

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ ЗА СТЕНОЙ



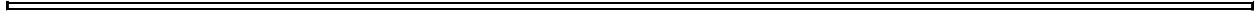
Януш Леон Вишневский

Annotation

В сборнике новелл «Сцены из жизни за стеной» известный польский писатель и ученый Януш Леон Вишневский с одному ему присущими глубиной и сопереживанием рассказывает удивительные истории о любви и ненависти, об изменах и разочарованиях, о терпении и надеждах, о том, как чувства украшают — или уродуют человеческую жизнь.

- [Януш Леон Вишневский](#)
 - [Виртуальность](#)
 - [Остров женщин](#)
 - [Зависть](#)
 - [Биохимия материнства](#)
 - [Запоздалая боль](#)
 - [Ритуалы](#)
 - [Швы летней ночи](#)
 - [Амплитуда печали](#)
 - [Самые важные вещи](#)
 - [Выбор стрелки](#)
 - [На новых дорогах жизни](#)
 - [Утренние сетования](#)
 - [Сцены из жизни за стеной](#)
 - [Маркировка](#)
 - [Неистинная красота](#)
 - [Одиночество](#)
 - [Судьба](#)
 - [Безумства](#)
 - [У открытого окна в мае](#)
 - [Запах сочельника](#)
 - [Состояние небытия](#)
 - [Расставания](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)



Януш Леон Вишневский
Сцены из жизни за стеной

Виртуальность

«Потому что сейчас, в августе, посреди жаркого лета, снег выпал прямо на мои босые ноги. И я ничего не хочу больше, чем топтать эти снежинки и чувствовать, как они тают под ногами». Помнишь эти слова? Помнишь! Несомненно! Ты помнишь любую, даже самую маленькую царапину на своем эго.

За последние два года я написала тебе несколько тысяч фраз, но эти две были самыми важными. Вопреки обыкновению, ты незамедлительно отреагировал на них агрессивным удивлением. Потом злобно написал: «Я и впрямь рассчитывал на поэзию, но не на патетическую, а на эротическую». Стало быть, ты собирался мне отомстить. Ты сбежал, не прощаясь, и замолчал на несколько дней. Больше всего на свете я хотела тогда, чтобы ты исчез навсегда. Не исчез. По возвращении, даже не дождавшись понедельника и нарушая все установленные «принципы безопасности», отправил мне из дома e-mail: ты извинялся, раскаивался, находил всяческие оправдания своему отсутствию в те «несколько дней одиночества» и просил, чтобы я осталась. И я решила остаться — только для того, чтобы выяснить, что все-таки значит твое: «Останься!» Я очень хотела это узнать.

Те «несколько дней одиночества» ты провел с ней в Бялогоре. Ты вдруг вспомнил, что это ее любимое место, выкроил время, чтобы изучить предложения и забронировать гостиницу. Ты отменил — и ничего страшного не случилось — все пятничные встречи, осмелился выключить телефон в офисе и в порыве небывалого для тебя героизма не взял с собой компьютер. Внезапно, неполных три дня, ты был как раз таким, каким она хотела тебя видеть. И какого когда-то узнала. Что же произошло? Ты вспомнил, как много она для тебя значит? Испугался самого себя? Сильнее прежнего ощутил вину? Или всего лишь хотел отомстить мне за отказ?

Днем, под пляжным зонтиком, ты склонялся над ней, чтобы намазать кремом ее плечи, бедра и грудь, пересказывал ей книгу, которую читал, а она, после очень долгого ожидания, наконец располагала твоим вниманием и имела возможность напомнить тебе или, скорее, повторить, как много ты для нее значишь. Ты знаешь, что это такое: много для кого-нибудь значить? Вечером, после ужина, вы гуляли по пляжу, ты собирал для нее ракушки, держал за руку, прикасался губами к волосам и незаметно засовывал ладони под блузку и юбку. Потом вы сидели, склоняясь друг к другу, любовались закатом, и ты шепотом объяснял ей космологию. Когда

темнело, вы торопливо возвращались в гостиницу. Она уже в лифте начинала раздеваться, а ты нервно искал ключ от номера. Утром она будила тебя поцелуями и делала с тобой все, о чем ты даже не мечтал, а ты поражался, откуда она так хорошо знает, чего ты хочешь. Ты заметил, что она плакала при этом? Спросил хоть раз, почему? Конечно, нет.

Собственных жен не спрашивают о таких естественных вещах. Если жены плачут в такие моменты, мужья уверены, что это от наслаждения. Тогда почему, когда я написала тебе, что плачу в моменты интимной близости, ты лез из кожи вон, чтобы узнать — отчего? И почему, уверившись, что из-за тебя, совершенно перестал этим интересоваться?

Почему именно я? Мне столько же лет, сколько ей, у меня тот же цвет волос, и так же, как она, я хотела бы, чтобы у меня была побольше грудь, больше обуви и больше секса. Я слушаю ту же музыку, читаю те же книги и тоже терпеть не могу Варшаву и селедку в сметане. Кроме того, я тоже принимаю чересчур горячую ванну, не пью сладкого вина, люблю восточные рестораны, обожаю черных котов, по праздникам поздравляю своего гинеколога открыткой, ненавижу Интернет, до смерти боюсь пауков, дождевых червей и политиков и точно так же засыпаю на правом боку лишь тогда, когда убеждаюсь, что муж рядом со мной уже видит сны.

Более двух лет назад, в ноябре, я отправила свой первый в жизни e-mail. Своему мужу. Послание вовсе не должно было быть анонимным. Я создала в виртуальном пространстве свой первый почтовый ящик. Поскольку мне не хотелось быть какой-то там «Аней99999», я выбрала свое второе имя. Я написала ему, что люблю — Я действительно любила его. Он не узнал ни моего второго имени, ни меня. Более двух лет обо всем самом важном в его жизни первой узнавала она. То есть мы обе, но только я — иногда — узнавала об этом от него напрямую, то есть еще раз.

Более двух лет я страстно желала дорожить им больше, чем собственным достоинством. В августе я перестала этого желать. А вчера начался новый год и, воплощая в жизнь свое самое важное решение, я начала тебя ненавидеть. Завтра ты снова поздно вернешься домой, потому что на работе снова очень важное совещание. Завтра снег снова будет падать на мои ноги. И завтра ты меня увидишь...

Остров женщин

Говорят, Бог, устав творить мир для людей, решил создать что-нибудь для себя. Взял горсть самых красивых жемчужин и рассыпал их посреди океана, поближе к экватору. Так появились Мальдивы...

Такую сказочную историю возникновения этих островов рассказывают английские, итальянские, немецкие, а в последнее время и российские путеводители, призывая туристов опустошать свои банковские счета, садиться на самолеты во Франкфурте, Лондоне, Москве или Риме и после почти десяти часов полета приземляться в Мале — столице государства, чтобы пересест в воздушные такси и добраться до острова, заранее выбранного по каталогу.

Кеннеди, ирландец сорока с небольшим лет из католической части Белфаста, не выбирал никакого жемчуга. В 1999 году, когда его жена сбежала с одним «приторно любезным толстым протестантом», он продал машину и улетел медитировать в Шри-Ланку. Когда закончились деньги, он купил газету и нашел по объявлению работу. Шведская фирма искала человека, который свободно говорит по-английски, разбирается в дайвинге, электрооборудовании, садоводстве, гидравлике, компьютерах и «не боится вызовов судьбы». Кеннеди не разбирался ни в чем. И даже сейчас не может сказать, что говорит по-английски. Тем более свободно. Человек из Белфаста никогда не признается, что говорит по-английски. Разве что только во имя «высшей необходимости». Он до сих пор не понимает, как ему удалось убедить в этом сотрудницу отдела кадров в агентстве, представлявшем интересы шведов в Коломбо. Наверное, просто женщины верят любой его лжи. А может, на них волшебным образом действует слово «Кеннеди».

С первой зарплаты он купил билет на самолет до Мале и на катер до острова. И лишь по прибытии узнал, что попал на атолл Фаадхипполху. Он до сих пор не выговаривает как следует это название, хотя уже восемь лет живет и работает — в качестве «сторожа от всего» — на эллипсовидной кучке песка, поросшей пальмами, под которыми выстроено тридцать деревянных, по-декадентски роскошных бунгалов.

И восемь лет проводит здесь свой двухнедельный отпуск, в течение которого тоже работает. Работодатели не могли допустить, чтобы он здесь же и отдыхал. Каникулы на Мальдивах должны стоить дорого. Он их понимает. Иначе тут будет вторая Майорка.

Когда я спросил, чего ему не хватает в этом раю, он тут же ответил:

— Женщин... и речь вовсе не об оргазме, — добавил он. — А о родстве душ. Оргазм я могу скачать из Интернета. Даже с таким слабым соединением, как здесь. Чтобы породниться, ты должен сначала испытывать восторг, потом — забытие и, наконец, утолив страсть, возжелать целомудренного существования только с одним телом, ибо ее душа и мозг становятся для тебя куда важнее собственных. Я встречаю тут множество мужчин, которым это удалось. Они прилетают на остров как раз с такими женщинами.

Как Артур и Мадам. Так мы ее называем. Они уже пятый раз здесь. Прилетают на рождественские каникулы и возвращаются в Европу в середине января. У Артура столько денег, что он мог бы купить себе этот остров. Он владеет несколькими банками в Лондоне, тремя в Эдинбурге, двумя небоскребами в Дубае и двумя фирмами в Гонконге. Я проверил это в «Google». Пять лет назад он случайно встретил Мадам в аэропорту Мале. И был пленен. Бросил все и прилетел за ней. И здесь, кажется, забылся. Наверное, потому и возвращается. Этот остров им нравится, хотя здесь по сравнению с другими островами очень скромно — всего лишь убогий кемпинг у озера. Они могли бы снять для себя весь «Хилтон», но прилетают сюда, в бунгало. Ему пятьдесят восемь, ей сорок пять. Мне рассказала это Нисайям, которая работает на ресепшен и видела их паспорта. Моя жена и на свадьбе — а ей тогда не было и тридцати — не выглядела так, как Мадам сейчас. Втайне от мужа Мадам приходит ко мне и просит не позволять ему пользоваться Интернетом во время их пребывания на острове. Я должен лгать ему, что связь не работает. Мадам оставляет мне конверт с деньгами. Затем приходит он и втайне от жены просит проверять его электронную почту и распечатывать ему письма с определенных адресов. И тоже оставляет конверт с банкнотами. Каждое утро перед завтраком, закончив пробежку по пляжу вокруг острова, он заскакивает ко мне и, запыхавшись, читает письма, словно мальчишка, который затеял втихаря какую-то шалость и прячется от родителей. В этих текстах упоминаются суммы, которые трудно себе вообразить. Иногда Артур пишет на листочках ответы, которые я отправляю. Частенько мне кажется, что это я, а не он, продаю что-то почти за миллион фунтов. Его жена «ни в коем случае» не должна знать, что он бывает в моей конторе, ибо это «сильно огорчило бы ее». Каждый вечер, ближе к полуночи, обходя остров с проверкой, я встречаю их на пляже. Они сидят, обнявшись, и разговаривают...

Зависть

Эльжбета ненавидит праздник Рождества Христова. И Новый год тоже. Ее сильно ранит близость, к которой вынуждает сочельник. Члены семьи с облаткой, пожелания, которые должны быть высказаны так, чтобы звучали нефальшиво, прикосновения людей, которых она вовсе не хочет касаться, слезы умиления, которого она не ощущает, праздничное воодушевление, которого она в себе не находит и не понимает в других. Для Эльжбеты вечер сочельника — это плохо срежиссированное представление, в котором ей приходится принимать участие. Она играет свою роль, поскольку, как ей кажется, от нее этого ждут окружающие. Но когда наконец спектакль заканчивается, чувствует себя измученной. Она не желает «исполнения мечтаний» невестке, которой уже не о чем мечтать, ибо та имеет все, чего нет у Эльжбеты. Троих здоровых детей, чьих имен Эльжбета никак не может запомнить, и мужа — ее брата — Эльжбета так ревновала его к каждой девушке, которую он приводил домой! Она не желает «дальнейших успехов» двоюродной сестре, поскольку та, по ее мнению, достигла всех возможных успехов, какие женщина может себе представить: раз в две недели выезжает в командировки в Нью-Йорк, Милан или Стокгольм, пишет в «свободное время» диссертацию об управлении новыми средствами массовой информации, спит с мужчинами, о которых пишут в газетах, и при этом выглядит так, словно не вылезает из салонов красоты или фитнес-клубов, хотя теоретически у нее не должно оставаться на это времени. У них с Эльжбетой одни и те же гены, и сестра, раз уж она на десять лет старше, и выглядеть должна старше. Также Эльжбета не желает появления «новых перспектив» своей младшей сестре Наталье, которая летает на дельтаплане, возит посылки с подарками на другой конец света вместе с фондом Охойской^[1] «Польская гуманитарная акция» и мечтает пилотировать F-16.

Эльжбета никому не желает ничего хорошего, а если уж приходится, делает это неискренне. И нисколько о том не жалеет. Как можно сожалеть о чем-то, чего жаждешь, а оно исполняется? Она не в состоянии себя обуздать. Эльжбета больна. Больна завистью. Должно было пройти много лет, прежде чем она поняла, что это болезнь. И что она должна и хочет от нее излечиться. Ибо на самом деле, в самых закоулках души, она хочет, чтобы исполнились мечты невестки, радуется любому успеху двоюродной сестры и восхищается Натальей.

«Вряд ли какая катастрофа расстроит нас больше, чем предположение или знание об успехах других, правда?» — спросила на первой беседе женщина-психотерапевт, выслушав ее историю. Эльжбета стыдливо кивнула. Зависть странная штука. В ней нет корысти по отношению к чужому добру или качеству, которого мы лишены, к тем, кто имеет больше нашего или у кого есть что-то такое, чего у нас нет, но мы хотели бы иметь. Зависть, если можно так выразиться, лишена корысти. Она возникает не из стремления обладать. Напротив, это желание, чтобы кто-то другой чего-то не имел. Ее цель — отобрать это «что-то» и уничтожить или хотя бы уменьшить его ценность и значение. Охваченные завистью, мы больше всего желаем, чтобы кто-то чего-то лишился. И если такое случается, нам сразу становится легче. Наше чувство собственной неполноценности, тоска по тому, чего у нас нет, но чем обладает другой человек, или просто злость по отношению к нему становится менее мучительной. Мы немедленно возвышаемся в собственных глазах. Некоторые замечают, что это ощущение «лучшести» длится недолго. Потом приходит стыд, утрата самоуважения, а в конце концов возникает даже презрение к самому себе. Многие, когда уже не в силах жить самобичеванием, ищут помощи у психологов. Как Эльжбета.

Она не одинока в своей болезни. Если бы зависть сопровождалась горячкой, трясло бы весь мир. Это Эльжбета тоже узнала от психотерапевта. Зависть подобна любому другому греху. Она настолько распространена, что стала четвертой в списке семи смертных грехов. Несмотря на это, мало кто на исповеди признается, что снedaем завистью. Тому мешает чувство собственного достоинства и ошибочное убеждение, что зависть — всего лишь проекция сознания так называемой обоснованной правоты. «Она не имеет права так выглядеть, не может иметь более способных детей, не имеет права на карьерный рост, не имеет права на лучшего мужа и не имеет права быть лучше образованной». Это чувство «неправоты» пробуждает в нас Каина, который хочет убить брата, и порождает желание раз и навсегда избавить мир от счастливой Белоснежки. В приложении к современному обществу Каин охотнее согласился бы на 100 тысяч евро годового дохода при условии, что остальные будут получать 85 тысяч, чем на 150 тысяч, если бы узнал, что другие получают 200. Для профессора Роберта Х. Франка из Корнелльского университета в Итаке (США), где проводилось такое анкетирование, в этом нет ничего удивительного. Чувство иерархии — такое же благо, как любое другое. Ради него мы готовы отказаться от многого. И мало кто замечает, что оно чаще всего проистекает из чистой зависти.

Через несколько дней Эльжбета будет встречать Новый год в доме брата. Первый раз за много лет она радуется тому, что случиться в полночь...

Биохимия материнства

Стефан уже шесть лет посещает в День матери одну помойку возле большого торгового центра в предместье Дармштадта. Ему кажется, что именно там его мать была рядом с ним в последний раз. Более двадцати пяти лет назад, морозным февралем 1982 года, в четыре утра какая-то женщина позвонила в комиссариат франкфуртской полиции и сообщила о младенце, найденном на помойке. В пустом контейнере полицейские обнаружили синюю спортивную сумку. Кроме завернутого в толстое светло-коричневое одеяло ребенка там была бутылка с еще теплым молоком, несколько одноразовых пеленок, перевязанных бинтом, и грязный клочок бумаги, на котором кривыми буквами было написано «Стефан». Женщина, которая обратилась в полицию, позвонила несколькими часами позже еще раз, с другого номера, чтобы узнать о судьбе найденныша. И поблагодарила за добрые вести. После двух лет бесплодных поисков дело было закрыто. Мать Стефана так и не нашли. Проведя несколько дней в больнице и три месяца — в приюте, мальчик попал в семью. У него было нормальное счастливое детство. Полное любви и заботы. О том, что Корнелия — мачеха — не рожала его, он узнал на следующий день после своего восемнадцатилетия. И вот уже четыре года разыскивает свою биологическую мать.

«Я не был ей безразличен, иначе она не позвонила бы в полицию, — говорит он спокойным голосом. — Я не жалею о ней. Просто хочу узнать — почему».

Он открыл интернет-форум для детей, брошенных сразу после рождения. Он ищет. Так же, как тысяча восьмьсот остальных, зарегистрированных на форуме.

В Германии каждый год регистрируется около 80 случаев отказов от детей сразу после их рождения. По сравнению с другими странами Германия не исключение. Во Франции, Испании, Великобритании или Польше статистика на удивление одинакова. Этим явлением занялись в последнее время психологи, психиатры, социологи и, как ни странно, нейробиологи. Последние тщательно изучили «биохимию» материнства, проводя функциональную магниторезонансную томографию мозга беременных женщин. Все указывает на то, что большинство матерей, решительно отвергающих свое потомство, находились — по разным причинам — во временном «состоянии не реализованной до конца

процедуры гормональной близости». Во время родов в мозгу, после небывалого выброса эндорфина, который по воздействию даже сильнее, чем притупляющий боль морфин, наступает период отстранения и в большинстве случаев — глубокой депрессии. Лишь длительный, многократно повторяемый контакт матери с младенцем может вывести ее из этого состояния. Каждый такой контакт сопровождается — у всех без исключения млекопитающих — выработкой задней долей гипофиза гормона окситоцина. Высвобождение окситоцина, не без причины именуемого «гормоном нежности», происходит при каждом соприкосновении с младенцем, но наиболее интенсивно — при раздражении сосков, когда он сосет материнскую грудь. Этому сопутствует мгновенная выработка другого необычного гормона — пролактина. Оказалось, что пролактин, до недавних пор отождествлявшийся исключительно с началом и поддержанием лактации у кормящих матерей, отвечает также за весь состав, как это называется на бесстрастном научном языке, «обусловленных эволюцией навыков общественного поведения». Чем больше концентрация пролактина в мозгу матери, тем сильнее ее связь с потомством и решимость защищать и опекать своего ребенка. Женщины «на пролактине», как пишет Хелен Фишер, автор многочисленных работ и один из крупнейших антропологов XXI века, «проживают первые дни и даже недели своего материнства как длительный оргазм». И это не просто фигура речи. Концентрация пролактина в мозгу у женщин в период максимума половой активности на короткое время возрастает примерно на 400 процентов. У женщин подобная концентрация отмечается длительное время при контактах с младенцем, но наступает она лишь через несколько дней после родов. Исследователи, которые занимаются синдромом отказа от новорожденных, полагают, что эти «несколько дней» для матерей чрезвычайно важны, и они отказываются от ребенка потому, что после родовой депрессии у них не наступил период налаживания связи, связанный с действием окситоцина и пролактина. Стефан знает все эти «научные штучки». После того как дело было закрыто, полицейские отдали сумку и найденный в ней клочок бумаги его усыновителям. Каждый год двадцать четвертого февраля Стефан садится в машину, приезжает вечером на помойку в Дармштадте и ждет всю ночь. В День матери он тоже приезжает. Он верит, что в конце концов найдет свою биологическую мать. Ему хочется посмотреть ей в глаза и спросить, где и когда он родился, хотя полицейский врач рассчитал это с точностью до нескольких дней. Кроме того, Стефан хотел бы знать, почему его нашли именно на помойке...

Запоздалая боль

Я хотела сегодня утром поплакаться кому-нибудь, но никого не было дома. Впрочем, даже если бы кто-то и был, вряд ли он посочувствовал бы мне. Чтобы кому-то сочувствовать, надо сперва самому что-то ощутить. А на это нужно время. Я сама врач и знаю, что в состоянии шока чувства притупляются. Даже жертвы дорожных аварий начинают ощущать боль от раздробленной ключицы и переломанных ребер лишь через несколько часов после столкновения. А иногда и на следующий день. Это такой своеобразный механизм защиты, связанный с адреналином. Бывало, к нам привозили людей, которые после катастрофы каким-то чудом сами выбирались из машины и даже не понимали, что вместо ног у них две культи. На операционном столе, описывая, что с ними произошло, они утверждали, что буквально «выбежали из машины», когда она загорелась.

В моем случае до «столкновения» дело дойдет лишь вечером. Поэтому удачно так сложилось, что утром я могла поплакать одна. И, заплаканная, имела возможность взглянуть на себя в зеркало. Сегодня я хотела посмотреть в глаза этой зареванной женщине. Утереть ей слезы и окружить вниманием. У меня было достаточно времени, чтобы прочувствовать все самой...

Два года и двенадцать дней назад мой муж сообщил, что его любовница родит ему сына.

Он знал это абсолютно точно — и пол ребенка, и срок. Через двенадцать дней она действительно родила. В больнице, где я работаю. Только в другом отделении, в гинекологии, двумя этажами выше. У меня тогда было дежурство. Сама не знаю, зачем мне было знать, сын ли это, но прежде всего я хотела убедиться, что ребенок здоров. Адреналин захлестывал меня, и я не чувствовала боли от ампутации души. Я побежала на четвертый этаж и заглянула в журнал регистрации. Ребенок был записан на фамилию мужа. У троих наших детей появился братик. Я не удержалась от того, чтобы взглянуть на дату рождения матери. Она родилась через два года после нашего старшего сына. Теперь я знаю, что они учились в одном институте, только она — на два курса младше. Вполне вероятно, что они встречались в университетских коридорах и студенческих клубах. Может быть, она даже нравилась ему. Ему нравится все, что по душе его отцу. В том числе и женщины с детскими лицами, огромными глазами и большой грудью. Очередная девушка нашего сына очень похожа на мать его

новорожденного брата. Очень молода и очень красива. Как и любовница его отца.

За те два дня, что она провела в больнице после родов, я несколько раз поднималась на четвертый этаж. Только для того, чтобы постоять в дверях палаты, где она лежала. Я упивалась своим унижением при виде кормящей матери. Она кормила ребенка моего мужа, а я думала: «Я выстою», «Мы вместе», «У нас ведь дети».

Любовь умерла. Моя — недавно. Вовсе не два года назад. Тогда я его еще любила. Даже в тот момент, когда он сказал, что у него будет ребенок от другой женщины. Хотя два года и двенадцать дней назад я кричала ему в лицо, что ненавижу и презираю его и что он последний сукин сын. И грохнула об пол на кухне тарелки, полученные в подарок от родителей на нашу свадьбу. А те получили их от своих родителей. Я вспомнила об этом, только когда собирала с пола осколки. Я все еще его любила. Сейчас я знаю, у обманутых жен именно так оно и бывает.

Ныне мужчины заводят любовниц куда чаще, чем получают штраф за неправильную парковку. Иногда мне кажется, они неправильно паркуются намеренно. Чтобы продемонстрировать свои машины и доказать, что в состоянии заплатить штраф. Любовниц чаще заводят мужчины, у которых жены моих лет. Чем старше жена, тем хуже. Мне уже сорок пять, я родила ему троих детей, мы вместе зарабатывали на все его машины. Но только в первой мы обнимались с ним на заднем сиденье. Подозреваю, что в последней он обнимал там ее...

Сегодня сыну моего мужа и его любовницы исполнилось два года. Я встала утром заплаканная. Вытерла слезы женщине, которую увидела в зеркале, и поехала в торговый центр покупать подарок. Но сначала еще немного помучила себя, разглядывая фотографии нашего сына в двухлетнем возрасте. Так было надо, чтобы вечером уже не чувствовать боли и чтобы слезы без спросу не катились из глаз. Утром-то я рыдала. Рыдала потому, что нынче вечером о существовании этого маленького мальчика узнают мои дети. Но утренние слезы были слезами страха. Мой муж решил вечером за ужином представить нам своего младшего сына. То есть рассказать двум нашим дочерям и старшему сыну, что два года они жили в искусно сплетенной нами лжи. Больше всего я боюсь их реакции. Взглядов дочерей, уже достаточно взрослых, чтобы почувствовать мое унижение обманутой женщины, и сына, вынужденного метаться между матерью и отцом, который так его подвел, и прятать от меня глаза. И единственное, что я могу сказать в свое оправдание: я жила в этой лжи только ради них, чтобы не заставлять их страдать.

Мне бы хотелось, чтобы завтра утром у меня хватило сил уйти. Но я знаю, что не уйду. Останусь. Ради детей — всех четверых.

Ритуалы

На террасе дома, в горшке, росла огромная елка, весь год украшенная разноцветными шариками. Под елкой стояли плюшевая овечка в розовых носках и с зонтиком, деревянная курица, три глиняных петуха и два проволочных зайца. Все это символизировало Пасху.

Они всю жизнь встречались где-то посреди дороги. Она считала, что началом всему является рождение, он — что смерть. Она была уверена, что по-настоящему родилась, только когда на вокзале в Гамбурге он впервые поправил упавшую ей на лицо прядь волос и спросил, как ее зовут; он же говорил, что тогда, на вокзале, он воскрес. Поэтому в сочельник и Пасхальное воскресенье они делятся яйцом и облаткой. Она, изгнанная поворотом истории из Колобжега (всю жизнь не умела правильно написать название родного города) немецкая протестантка, влюбленная в традиции католических сочельников, он — атеист, родившийся в польско-еврейской семье в Вене. Однажды в жаркое августовское воскресенье 1947 года на вокзале в Мюнхене, во время путешествия в новую жизнь, случайно пересеклись линии их судеб. Он коснулся пальцами ее волос, она ощутила, что к ней прикоснулась любовь. Спустя два месяца в развороченном бомбами католическом костеле без крыши они встали к алтарю, произнеся самую важную в своей жизни клятву. Она помнит, что на воротах костела кто-то прилепил картонку с предупреждением по-английски: «Внимание! Падающие ангелы!» Помнит свое белое платье, сшитое из парашюта, и даже свою мысль о том, что в таком платье, должно быть, приземляются по ту сторону неба...

Через несколько лет они переехали в Швейцарию, поскольку она поняла, что в Германии он не будет счастлив. Эти двое уже не нуждались в отечестве, просто хотели пустить где-то корни. Они поняли, что страной, которая объединяет их судьбы, является Польша. Поэтому, хотя всю жизнь провели во франкоязычной Лозанне, а говорили друг с другом по-немецки, на вопросы любопытных, откуда они родом, отвечали: из Польши. Оба не нуждались ни в Боге, ни тем более в религии. Если им что-то и было нужно, так это ритуалы, обозначающие повторяющиеся циклы их существования. А поскольку *их церковь*, та самая, без крыши, была католической, она выбрала сочельник, а он — Пасху.

Он занялся высшей математикой, она — музыкой. Он полагал, что так и должно было быть, ведь она родилась первого марта, как Шопен. И это

совпадение, по его мнению, вовсе не было случайным. Когда он объяснял, почему одна бесконечность меньше другой или как складывать, вычитать и перемножать бесконечности, это казалось ей чистым безумием. Также, как музыка, которая одних излечивает от самоубийственных мыслей, а других доводит до суицида. Он тогда добавлял, что загадка бесконечности действует точно так же. Джордж Кантор, математик, который дал определение бесконечности, умер в приюте для душевнобольных, где играл сумасшедшим пациентам скрипичные концерты...

Они провели вместе шестьдесят лет. Любили друг друга, как ей казалось, бесконечно. Часто беседовали о любви. Но никогда не говорили о своей. Вместо религии они создали себе мир собственных ритуалов, которые связывали их сильнее, чем любые слова. Они даже не нуждались в других людях, хотя и относились к ним доброжелательно. Однако время вне дома они проводили редко, еще реже принимали приглашения, а если принимали, то тоже создавали из этого целый ритуал. Возвращаясь домой с приема, один из них (в зависимости от того, кто был за рулем) раздевался для другого. Потом они останавливались где-нибудь в безлюдном месте. Последний раз это было на лесной дороге, когда они возвращались с ее дня рождения. В тот день ей исполнилось шестьдесят два года...

Утром в католический сочельник он, всемирно известный профессор математики, доставал из подвала топор и тащил с собой еще не вполне проснувшуюся жену в лес, чтобы там втихаря срубить елку, а она, уважаемый профессор Лозаннской консерватории, вернувшись из леса, меняла шерстяные носки плюшевой овечке на балконе. Вечером они пели у елки польские колядки на немецком языке, делились друг с другом облаткой и пасхальным яйцом. Еще они вылавливали из ванны откормленного сахаром карпа и везли его на машине к ближайшему пруду, чтобы там торжественно с ним попрощаться. А когда вскоре они возвращались домой, она играла его любимые концерты Рахманинова, и потом они всю ночь делились друг с другом своими мечтами. Однажды она призналась ему, что хотела бы в час смерти прижаться к дельфину и уплыть с ним в далекий океан, и он заявил ей, что она — впервые в жизни — разочарует его, если умрет.

Но этого так и не случилось, она его не разочаровала. Никогда. Видя ее умирающей от неизлечимой болезни, он не мог представить себе жизни без нее. И тогда они решили уйти вместе...

Швы летней ночи

Неверно, что женщины чаще всего делятся своими тайнами с парикмахерами и гинекологами. Больше всех о женских секретах знают пластические хирурги. По крайней мере так утверждает Марко, сорокачетырехлетний заведующий эксклюзивным отделением пластической косметологии, что занимает два этажа стеклянного небоскреба в центре Кельна.

Марко родился в Италии, медицину изучал в Бостоне, но уже восемь лет живет в Кельне. Он учился пластической хирургии у лучших специалистов восточного побережья США. Девять лет назад Марко влюбился в практикантку, которая приехала стажироваться в клинику, где он работал. Когда после стажировки она вернулась в Германию, он понял, что не может без нее жить. Однажды ночью упаковал чемодан, отправил прощальное интернет-послание начальнику и поехал в аэропорт...

На протяжении четырех последних лет он оперирует сам и руководит командой из двенадцати хирургов, которые поднимают обвисшие груди, убирают жир с бедер и ляжек, натягивают сморщившуюся кожу на лице, меняют форму носа, выпрямляют зубы, оперируют челюсти и скулы. В основном у женщин. Именно они отказываются признавать законы природы и не готовы принять то, что получили по наследству от бабки с маленькой грудью, от матери с орлиным носом или от отца с тяжелыми верхними веками, узким ртом и щелями меж зубов. Так же, как не хотят смириться с ходом времени, делением клеток, действием силы тяжести и вообще с чем-то преходящим. Для большинства из них старость — это болезнь. И пусть она пока неизлечима, женщины верят, что можно отсрочить ее проявления. А когда спа-процедуры, каторжные диеты с изощренным названием, фитнес, йога, упражнения на растяжку мышц, калланетика, ретинол, фруктовые маски, пилинги, астрономически дорогие кремы с молекулами золота, произведенные в невесомости, липосомы и тому подобное — короче, ничто уже не помогает, они приходят к Марко. Женщины не хотят смириться с установленным порядком вещей, даже если, по мнению многих, это «недостойно», «неестественно» и «крайне неэффективно». И понимая, что уже не могут быть молоды вполне, они желают омолодить хотя бы грудь, бедра, ляжки, живот или лицо. Долго копят на это, берут ссуду, а некоторые дают номера кредиток своих нынешних кавалеров, но таких совсем немного.

Прежде чем коснуться женщины скальпелем, Марко долго с ней беседует. Он никогда сам не настаивает на операции и обязательно предупреждает о возможных осложнениях. Особенно часто такие беседы ему приходится вести в мае и июне. Поэтому с мая по июль он, как опытный человек, расширяет штат врачей. Женщины знают, что приближающееся лето лишит их не только одежды, но и иллюзий, — «сильнее, чем скальпель, травмируя душу и оставив надолго, а порой и навсегда, незаживающие швы». Именно так описала это Надин, с которой Марко беседовал дважды, прежде чем она разделась, а он начал фломастером чертить цилиндрические кривые на ее бедрах, груди и животе. У Надин симпатичные, по мнению Марко, мимические морщины вокруг глаз и обычная структура кожи, а также «нормальное для европейской женщины сорока пяти лет, родившей одного ребенка, расположение жировых тканей». По ее словам, она уже больше двадцати лет замужем за хорошим человеком, за которого вышла, когда ей было двадцать два. Но теперь, после отпуска, муж по отношению к ней уже не так безупречен. Именно в отпуске, в клубе на португальском побережье, она впервые заметила, с каким странным, жадным голодом в глазах ее муж присматривается к молодым женщинам на пляже и в гостиничном бассейне. Некоторые из них были даже моложе их дочери! Трудно было не заметить и того, как он втягивал живот, бросая взгляд на обнаженные бюсты некоторых женщин, которые, между нами, были куда старше, чем их груди. Там, в Португалии, ей казалось, что муж не замечал ничего женственного только в других мужчинах и... в ней, своей жене. Не считая случаев, когда по ее просьбе он намазывал ей спину защитным кремом, да еще его присутствия в их общей постели, где, впрочем, не происходило ничего особенного, они, можно сказать, вообще не прикасались друг к другу.

Вернувшись домой, она начала внимательнее приглядываться к своему отражению в зеркале. Она любит своего мужа. И знает, что он не изменит ей, ну, разве что только в мечтах. Она не хочет его потерять. И перестать быть для него желанной. Во всяком случае, не сейчас. Потому решила на две операции. В этом году она не поедет с семьей купаться в Красном море. Она панически боится живых рыб, страдает морской болезнью и давно не видела родителей — все сложилось в удачную ложь. На несколько дней она останется в Кельне, затем навестит родителей в деревне. Вернется только на один день, чтобы снять швы. Она еще не придумала, что скажет мужу и дочери, когда те вернутся...

Амплитуда печали

«Почему я не боюсь засыпать и боюсь смерти?» — спросил он ее однажды, вернувшись с вокзала. Она ждала его каждое утро. С понедельника по пятницу он возвращался ровно в 9.20. В субботу — не реже двух раз в месяц он ходил на вокзал еще и в субботу — около двенадцати. Заслышав звук знакомых шагов на лестничной площадке, она наливала ему кофе, ставила чашку на стол и пододвигала стул. Ей хотелось поговорить с ним хоть несколько минут, прежде чем он закроется на целый день в своей комнате. Только в эти несколько коротких минут, пока, в очередной раз потрясенный своим бессилием, он молча сидел перед ней на расстоянии вытянутой руки, она чувствовала, что еще что-то значит для него. Они пили кофе без слов, сидя друг напротив друга. Она протягивала руки, чтобы коснуться его ладоней или запястий, и он не протестовал. В какой-то момент она чувствовала, что его руки начинают дрожать. Тогда он сразу вставал и исчезал за дверью своей комнаты. Поэтому она научилась прикасаться к нему лишь тогда, когда была уверена, что через минуту кофе в его чашке закончится. Кроме того, она купила самые большие чашки и придвинула стол торцом к стене, чтобы он сидел напротив.

«Почему я не боюсь засыпать и боюсь смерти?» — был первый вопрос, который он задал за последние несколько месяцев. До сих пор только она задавала вопросы, придумывала его возможные ответы и произносила их вслух, а он только кивал. Они сели за стол. Она старалась оставаться спокойной. Сжала руки под столом, чтобы не прикоснуться к нему случайно. И начала говорить. О том, что он нужен ей, что эта печаль минует, что она не представляет себе утра без него, что любит его, что хотела бы засыпать с ним рядом, если бы он позволил. Рассказывала о том, что точно знает: утром они проснутся, о том, что сон — это маленькая смерть для всех, и о том, как важно, чтобы он вставал рано, ведь у них еще так много дел, и что она в него верит. Ведь он еще никогда не разочаровывал ее...

Он задал ей этот вопрос больше года назад. После трех лет пребывания в состоянии, названном врачами «глубокой, неизлечимой экзогенной депрессией с элементами двуполярного состояния и невроза навязчивой идеи». Это началось, когда его уволили с работы. Проводилась реструктуризация фирмы, и он попал в список уволенных. Он работал там недолго, у них не было детей, стало быть, в социальном плане он был

одним из первых кандидатов на сокращение. Настал день, когда ему просто велели освободить рабочее место и идти домой. Один из многих психиатров, с которыми она беседовала, сравнил это событие с «переломом души». Душу можно насиловать лишь до определенного момента. Потом она просто ломается, как кость ноги. С того самого дня всего за несколько месяцев ее муж погрузился в черную бездну печали, утраченных надежд и бессмысленности существования. Как-то раз он сказал ей, что чувствует себя так, словно идет по стремительно застывающему бетону. Из этого бетона его не вытянули ни прозак, ни четыре психотерапевта, которых она к нему приводила. Он перестал вставать по утрам, весь день проводил в постели. Через несколько месяцев появилась надежда. Однажды он встал, побрился, надел свежую рубашку и костюм, взял свою папку и пошел на вокзал. И стал ждать поезда в метро, чтобы ехать на фирму. Как в те времена, когда работал. Но в поезд он не садился. Когда в 9.03 тот отъезжал, он возвращался домой, они пили кофе, он молча переживал свой позор и сразу после этого закрывался в своей комнате. Это был единственный период — в абсурде поразившего его невроза — когда он был относительно нормален. Хотя бы полчаса в сутки. По совету врачей она начала участвовать в этом абсурде. Каждое утро гладила ему рубашку, вешала ее в коридоре, оставляла на столе второй завтрак, который он должен был съесть на службе, а потом ждала на кухне его возвращения, чтобы угостить кофе. Доктора знали, что будет именно так. Депрессии часто сопровождаются неврозом навязчивой идеи. Так же, как страхи. Он тоже боялся. Она часто слышала ночами, как он ходил по комнате. А однажды он признался, что не может спать, так боится опоздать на работу...

Во всем этом мудреном диагнозе она не могла смириться только с одним — что это неизлечимо. Если может срастись нога, почему нельзя надеяться, что так случится с душой? Уже четвертый день она живет в Кельне, в маленькой гостинице возле клиники. Пока что, сразу после операции, ей нельзя видеться с мужем. Профессор, который его оперировал, лицемерно, хотя и успокаивающе, назвал то, что он сделал, процедурой. Он вшил два тонких, как волос, электрода в мозг, возле гипоталамуса, отвечающего за эмоции. К электродам подведен ток. Пять, самое большее десять вольт, примерно 130 герц. Короткими импульсами. «Этого хватит, чтобы заменить ему душу», — говорит профессор, показывая на компьютере записи теста сразу после пробуждения мужа от наркоза. На экране муж улыбается. Первый раз за много лет. Совсем как когда-то...

Самые важные вещи

«Вы понимаете, утром я просыпаюсь рядом с ним и шепотом молчу ему в ухо. Хотя иногда мне хочется кричать. Просто я думаю: зачем? Он и так слышит мое молчание. Он всегда точно знает, что я хочу ему сказать. Даже тогда, когда молчу. Временами мне кажется, он даже улыбается во сне, когда я смотрю на него, опершись на локоть. И я уверена, что в этом своем сне он осторожно вытирает мне слезы. Видите, я счастливая женщина. Я самая счастливая из всех, кого знаю...»

Надин тридцать три года, у нее короткие, как она сама говорит, «совершенно новые» волосы, смуглая от солярия кожа и очень длинные ресницы. Она благоухает духами, и у нее очень длинные ногти. В руке она держит сигарету, которую на мгновение подносит к губам. Но никогда не прикуривает. Когда подходит официантка, Надин заказывает бокал хорошего вина. Подносит его к носу и благоговейно принюхивается. Потом пробует кончиком языка и тут же отставляет в сторону.

«Потому что, видите ли, во мне пока много искусственного. Знаете, как отвратительно пахнет человек "на химии"? Откуда вам знать?! От него несет, как от завода, производящего соляную кислоту или искусственные удобрения. Даже если окно в комнате весь день раскрыто настежь, все равно вечером смердит. Представьте, каково это — к вам в спальню приходит любимая женщина, а вы знаете, что воняете, как цистерна с аммиаком? Так вот, я пока немного искусственная. *Nota bene*: благодаря химии. Поскольку у меня выпали ресницы и брови, я, скажем так, сделала себе новые. Мои собственные еще не отросли. Почему-то они растут медленнее, чем волосы. Даже не знаю, отчего. Так как моя кожа стала голубовато-серой, я купила себе месячный абонемент в солярий, и вот хожу, загораю. Когда серый цвет смешивается с красным, получается золотисто-коричневый. Это знает любой физик. Поскольку мои ногти стали словно поверхность кратеров на Юпитере, я заклеила их типсами. Я так защищаюсь, понимаете? Хочу быть обычной женщиной. Это совсем не просто. Я обожаю вино, но оно несовместимо с химиотерапией, поэтому я его только нюхаю. Но хочу нюхать самое лучшее. К вину полагается сигарета. Поэтому у меня всегда с собой одна. Если не боитесь заразиться раком, можете спокойно выпить из моего бокала. Это лучшее в этом ресторане шабли. Боитесь? Божидар, мой мужчина, ничего не боится. Знаете, когда у меня обнаружили рак, Божидар хотел сразу же на мне

жениться. Такой смелый! Сначала я подумала, что он просто хочет стать свободным молодым вдовцом, но потом оказалось, что он действительно меня любит. Божидар — хорват. Хотя родился в Берлине. Но для хорватов место рождения не имеет значения. Как и для поляков, верно? Они по природе гордецы и редко говорят женщине о своей любви. Считают, что признаться в любви — это как сдаться в плен. Хорваты не любят быть пленниками. Но вы и так это знаете из газет и телевидения. Хорошее шабли, не правда ли?»

У Надин ампутирована правая грудь. Иначе было нельзя, она слишком поздно обратилась к врачу. У нее также удалены грудные мышцы и лимфатические узлы подмышками. На всякий случай, чтобы не было метастазов.

«Понимаете, Божидар обожал мою грудь. Женский бюст — это его пунктик. Как, впрочем, у каждого мужика, но у него был настоящий невроз на почве моей груди. Он не любит ходить с женщинами по магазинам, но в отделы женского белья всегда заглядывает. Он просто балдеет от этого. А теперь у него осталась лишь одна моя грудь из двух. Левая. Хотите, я понюхаю еще вина? С удовольствием это сделаю. Вы можете спокойно курить. Божидар тоже дома курит, так что мне не привыкать. Знаете, когда я в больнице перед операцией подошла к окну, он стоял на газоне и кричал по-хорватски, что любит меня. Он никогда не говорит по-хорватски. Разве только что-нибудь очень важное. Но тогда он то ли забыл об этом, то ли это для него и правда было самое важное. А потом я вернулась домой без правой груди, начала вонять, как искусственные удобрения, у меня выпали волосы и ресницы, кожа стала даже более серой, чем коврик у наших дверей, и мне казалось, что я перестала быть женщиной. А он? Он устроил для меня праздник. Знаете, что это такое? Вы едете себе в разрисованном каракулями лифте на третий этаж, а там вдруг начинается небо. Вы не знаете, не можете знать. Просто какое-то время вам кажется, будто Бог о вас забыл, но вдруг вы обнаруживаете, что это неправда.

Поэтому я просыпаюсь каждое утро и молчу ему в ухо про свое счастье. И это как Божидар, верно? Можно мне понюхать ваше вино? Курите, не обращайтесь на меня внимания...»

Выбор стрелки

Каждый год второго ноября уже четыре года подряд она плачет на могиле человека, которого убила. Приезжает в семь утра поездом из Амстердама. Садится у вокзала в такси и вскоре оказывается у входа на протестантское кладбище в предместьях Кельна. Бородатый мужчина, присматривающий за кладбищем, живет рядом в маленьком домике. Они подружились четыре года назад, когда она приехала впервые и рассказала ему свою историю. Кладбище еще закрыто в это время, но он отворяет ей ворота, а едва она скроется в каштановой аллее, тут же затворяет.

Через минуту она склоняется над могилой, трогает красно-коричневый, мокрый от росы мрамор ладонью и кладет на него букет фиолетовых фрезий. Она замечает такой же букет под табличкой с фамилией. Тоже фиолетовый. Перевязанный желтой лентой.

Четыре года назад, примерно в час ночи, она отвозила своих родителей домой. Это был их первый визит в ее новую квартиру. Ночью местная двухрядная дорога обычно пуста. Через километр после въезда, сразу за поворотом, ведущим на эстакаду, трое мужчин в желтых светоотражающих комбинезонах устанавливали ограждение на левой полосе дороги. Грузовик, на котором они приехали, перекрыл правую полосу. За несколько десятков метров до него, на обочине, стояла машина с включенными аварийными фарами. Молодой человек в кожаной куртке как раз вытаскивал что-то из багажника. В долю секунды она резко свернула направо...

От психологов она знает, что так поступил бы на ее месте каждый: это — составляющая человеческой математики добра и зла, и это добро — спасти три жизни, пожертвовав одной. А не наоборот. Так считают и атеисты, и глубоко верующие, и дети, и взрослые. Такова биология морали, с которой мы появляемся на свет. Она слышала это и в суде от монотонно бубнящего адвоката. Когда сидела, скорчившись и спрятав глаза за черными стеклами, напротив родителей человека, которого убила. Она ощущала их боль и ненависть к ней сильнее, чем страх перед приговором. Их единственному сыну было двадцать три года. Он возвращался от них к своей невесте в Бонн. У него было столько планов. Его мать плакала на суде только один раз. Когда показывали фотографии с места происшествия. Искромсанное тело, машина, упавшая в кювет, перевязанный желтой лентой букет фиолетовых фрезий, лежащий на асфальте среди осколков

стекла, открывшийся чемодан под кусками покореженного металла...

Она провела два месяца в психиатрической клинике. О происшествии смогла говорить лишь через месяц. Геерт, молодой практикант из Голландии, работавший в клинике, приносил ей книги с описанием подобных происшествий. Там она прочла, что ее теперешние переживания уже давно занимают не только психиатров, но и нейробиологов, которые заняты поисками в нейронах человеческой нравственности. Для ситуации, в которой она оказалась, есть даже свое название: выбор стрелки. Разогнавшийся поезд без машиниста приближается к стрелке. На одних путях работает пять человек, на других — один. Все исследуемые без колебаний переводят стрелку так, чтобы погиб лишь один. Абсолютно все из нескольких тысяч, поставленных перед таким психологическим выбором более чем в десяти странах. Среди них были и люди с поврежденными отделами мозга. Они интересовали ученых больше всего, так как именно у них те надеялись обнаружить первичный центр добра и зла, где чувства, следуя здравому смыслу, якобы проигрывают только битву, но не войну. Но она не принимала участия ни в каком исследовании. Она перевела стрелку и убила кого-то на самом деле. Ей нет дела до нейронов и сражений. Ее волнуют теперешние ощущения и те чувства, которые она испытывала, сидя неподалеку от матери того парня...

Однажды Геерт подсунил ей распечатку статьи ученого из Гарварда. Молодой философ Джошуа Грин предложил свой тест совсем с другой «битвой» и назвал его выбором плачущего младенца: идет война, двадцать человек скрываются в бункере. Среди них есть ребенок, который начинает плакать. Если мать позволит ему плакать, солдаты обнаружат их укрытие и расстреляют. Спасти жизнь остальным можно, только задушив ребенка. На первый взгляд речь идет о том же самом. Здравый смысл диктует убить одного младенца и спасти жизнь многим. Но только на сей раз нет никакой стрелки и никакого поезда, который бы сделал это за нас.

И хотя, как и в предыдущей ситуации, должен победить здравый смысл, более 15 процентов опрошенных поддались эмоциям и выразили готовность пожертвовать своей и чужими жизнями ради спасения одной.

Она избегает вспоминать о том дне. Но иногда вынуждена воскрешать его в памяти. То место на автостраде и ту могилу. Просто для того, чтобы найти в себе силы жить...

На новых дорогах жизни

У алтаря торжественная церемония, исполняется чья-то мечта. В белом платье, в белой вуали, с учащенным биением сердца, со слезами на глазах, под пение церковного хора и звуки органа. Тем временем через ряды скамей в центральной части нефа перекачивается цунами других мечтаний. Еще не исполнившихся...

Во втором ряду сидит Карла. Она двадцать лет замужем за человеком, которого уже десять лет как разлюбила. Частенько ей не хватает воздуха, когда она сидит с ним рядом дома, в тесной комнате на диване. Ночью Карла часто подсаживается к кроваткам дочек и вглядывается в их лица. Она считает, что надо отказаться от любви ради того, чтобы дети имели обоих родителей. И решила терпеть, пока младшей не исполнится шестнадцать.

За Карлой сидят Иоахим и Ева. Они в браке двенадцать лет. Бездетны. Спят друг с другом, только когда Иоахим пьян. Пьет Иоахим редко, так как его отец был алкоголиком, и он боится наследственности. Больше всего их объединяет страсть к лыжам и то, что оба любят спать с открытым окном. Даже зимой. Ева полагает, что не найдет никого лучше, хотя это вовсе не значит, будто Иоахим лучше всех. Она не изменяет ему только потому, что не хочет, чтобы он изменил ей. Иоахим так не считает, и его изменам несть числа.

В четвертом ряду дремлет Михаэль. Четвертый год он «пристегнут» к своей подруге Бьянке. Видится с ней раза два в неделю. Они редко ссорятся, у них «активный» секс, отдельное жилье и совершенно разные взгляды на брак. Михаэль раз в год повторяет Бьянке, что не вполне уверен в том, сильно ли ее любит. И вообще никогда не говорит, что просто любит. Дети для Михаэля не имеют значения, о чем Бьянка узнала в свой тридцать шестой день рождения. Бьянка терпелива и не протестует. Она надеется, что однажды Михаэль повзрослеет и что этот день наступит уже скоро. Михаэлю в этом году исполнится сорок восемь.

В том же четвертом ряду, но у противоположного конца скамьи, сидит Кристина. Она изменяет своему мужу по убеждению, так как не может отказаться ни от «опьянения страстью», ни от покоя, которое дает постоянный союз. Муж Кристины ничего об этом не знает. Возможно, он тоже ей изменяет. И она тоже ничего об этом не знает и не хочет знать.

В двадцатом ряду сидят Мартин и Сусанна. Они знакомы уже двадцать

лет, женаты — пятнадцать. У них двое детей, своя четырехкомнатная квартира в центре Гамбурга и секс два раза в неделю. Они хранят друг другу верность, никогда не ссорятся, все проблемы решают спокойно и сообща. Оба считают, что общение — самое важное и именно оно объединяет людей. Сусанна всегда чувствует воодушевление, когда вывешивает в сушилке выстиранные вещи Мартина. Это образцовая пара, но истинными их отношения не назовешь.

Церковь, в которой исполняется чья-то мечта, очень маленькая. В ней всего десять рядов скамей...

В десятом ряду сижу я. Меня зовут Сильвия, я сижу возле своего мужа Петра. Через минуту, когда невеста произнесет дрожащим голосом «да» и расплачется, грянет орган, все умилятся, а я перестану смотреть перед собой и машинально протяну ладонь к сплетенным пальцам мужа, который сидит рядом и скучает или проверяет мобильный, вибрирующий в кармане его пиджака. Я сделаю это вовсе не потому, что меня охватила нежность или что-то в этом роде. Вовсе нет! Просто так я смогу убедиться, что не протягиваю ладонь в пустоту. И когда услышу это «да», особенно сильно сожму руку мужа. Он притронется к моей ладони так, словно здоровается с бухгалтершей, дотошно проверяющей его отчет о командировке, и через минуту отпустит. Потом вытащит ключи от своей «тойоты» и начнет чистить ими ногти. И тогда у меня в очередной раз появится желание его убить.

Но это будет лишь неконтролируемый рефлекс. Такой же, как неловкая встреча наших ладоней минуту назад. Ведь тогда я осталась бы одна. Иногда я задумываюсь, не об этом ли мечтаю? Может, я все еще с ним только потому, что мне не хватает смелости? Может, перспектива остаться одной куда более привлекательна, нежели мужчина, который восьмой год подряд в годовщину свадьбы приносит мне билеты в кино и уже четвертый год приходит домой слишком поздно, объясняя это сверхурочной работой? Может, права та женщина с тонкими губами, свидетельница со стороны невесты? Она решилась и ушла от мужа. С двумя детьми. На ее лице — тревожная улыбка. Но непохоже, чтобы она была в отчаянии или печали. Совсем наоборот. Это, должно быть, фасад. Да, наверняка лишь фасад. Она в этом разбирается. Она специалист по фасадам.

Невеста тем временем осуществила свою мечту. Карла пробралась к ней с поздравлениями и старательно улыбается. Правда, забыла пожелать что-либо жениху. Возможно, по рассеянности. А может, и нет...

Утренние сетования

Поначалу я тосковала о нем. Неослабевающую боль притупляли лишь сон и литровая бутылка дешевого вина. Потом, когда он меня оставил, я стала тосковать по дню, когда о нем не тосковала. И когда не могла попомнить такого дня, пила от отчаяния и бессилия еще горше, выбирая все более дешевое вино.

Все должно было быть так хорошо. Мы обо всем условились. Сразу после окончания учебы я отправляюсь в Лондон, а он заканчивает писать работу и приезжает ко мне. Это было три года назад. Когда вы любите кого-то так, как я любила его, выражение «обо всем условиться» просто не приходит в голову. Оно прозвучало бы как фрагмент какого-то договора. А это не был договор, это было обещание. Данное шепотом, утром, в постели...

Я разбираюсь в договорах, изучала маркетинг и была совершенно уверена, что и английский для меня не проблема. Вот и поехала. Я из кашубов^[2]. Из нашего городка уехали почти все. И потом, я все равно не могла туда вернуться. В родительском доме даже не было места для новой кровати. Но это неважно. Я хорошо узнала Лондон, переходя из фирмы в фирму. В одной из них «на тот момент» хватало маркетологов, зато очень нуждались в уборщице. У меня не было денег оплачивать квартиру, и я начала убирать. В том числе и помещение отдела маркетинга. Я хотела быть поближе к нему, чтобы меня заметили. Ну и, кроме того, так я могла, не кривя душой, рассказывать знакомым из Польши, что работаю в отделе маркетинга.

Я ждала его. Всем своим существом. Умирая от усталости, я возвращалась в свой полуподвал в Илинге^[3], включала компьютер и делала перед камерой все, чего он только желал. И все то, чему он меня учил. Стоило ему этого захотеть. Через восемь месяцев он прислал мне e-mail из двух предложений. Сначала выключил камеру, потом сменил номер телефона. Я страдала. Однажды не выдержала. Джонатан, айтишник-ирландец, который работал в той фирме, нашел меня, когда я, пьяная, лежала на кафеле у дверей. Привел к себе домой, дал опохмелиться, вымыл, уложил в свою кровать и не занимался со мной сексом. Хотя, как он сам признается, «ему этого очень хотелось». Я была слишком пьяна, чтобы зафиксировать это в своем сознании. Я привязалась к Джонатану. И это была ошибка. Джонатан очень впечатлительный, нежный, он умеет

слушать, прекрасно образован, любит Шопена, держит у себя двух осиротелых хромых котов, которых взял из приюта, усыновил близнецов-индусов, которым каждый месяц высылает деньги, и часто плачет, когда смотрит на DVD довоенные мелодрамы. Кроме того, а может, именно поэтому Джонатан «не пребывает» в этом мире. Потому вынужден, как он это называет, «отплывать». Он сказал мне, что я тоже должна это делать. Чтобы забыться. Мне не пришлось беспокоиться об оплате. Джонатан купил большую кровать, и я поселилась у него. Год мы сидели на героине и кокаине. Я почти не выходила излома. Когда мне нужен был свежий воздух, я открывала окно. Джонатан пригрел меня, как очередного кота. Только не со сломанной лапой, а с изломанной душой.

Он был прав. Я забыла. Иногда, во время наших «путешествий», я даже не помнила его имени. Заодно забыла и все остальное. Свое достоинство и свои мечты. Меньше чем за год я превратилась в развалину. Ждала только момента, когда Джонатан вытащит вечером из своей кожаной сумки то, без чего не могла уже жить. И когда он вытаскивал маленькие пластиковые пакетики, я готова была на все, лишь бы он поскорее их открыл. Я превратилась в обычную наркоманку. Проституткой я была уже давно.

На Новый год мы устроили себе «путешествие» под елкой. Но сначала я накормила Джонатана карпом, пирогами с капустой и борщом. Потом рассказала ему о сене под скатертью, о свободном месте за столом и научила петь польскую колядку. Джонатан не понимал, почему я при этом плачу. Перед полуночью я встала с кровати, оделась и поехала в польский костел. Хотя у меня нет водительских прав и я первый раз в жизни ехала по левой стороне улицы. Я хотела исповедаться. Пораженный ксендз вместо того, чтобы отпустить грехи, нервно сунул мне адрес какого-то доктора в Лондоне. После Нового года я поехала к нему. Врач был очень занят, и у него не было времени выслушать меня. У него было даже меньше времени, чем у ксендза. Зато он выписал мне зеленые рецепты. Теперь я покупаю викодин. Поскольку меня застраховали — Джонатан позаботился об этом — я все получаю в аптеках почти даром. Врач предположил, что, поскольку у меня болит душа, я должна ощущать боль везде, ведь душа заполняет все тело. Даже ксендз мне такого не говорил.

Викодин подходит при болях в позвоночнике, зубной боли, боли менструальной и экзистенциальной. Такой, как моя. Я набрала викодин в поисковике «Google», когда начала глотать его перед тостом на завтрак. Потом отказалась от тоста и оставила только викодин и кофе. Сначала один мужчина бросил меня, сделав алкоголичкой, потом приютил другой, сделал

наркоманкой, а теперь очередной перевел меня на то, название чего Эминем увековечил в татуировке. Понятно, что рэпер не станет татуировать на своем плече название антибиотика.

Мой психоделический сон о счастье в Англии закончится завтра в 21.14. Я проглочу последнюю таблетку, прежде чем сесть в поезд. Убегу от себя. Вернусь...

Сцены из жизни за стеной

О таком чувстве мечтают все замужние женщины, заблудившиеся где-то между жаркой кухней и холодной спальней. Однажды я сказал об этом за бокалом вина Алексу, моему соседу. Алекс (в действительности — д-р Александр фон П.) лишь улыбнулся и неожиданно ушел на кухню. Через минуту он вернулся с новой, непочатой бутылкой вина, хотя и прежняя была еще наполовину полна. Может, это всего лишь обычная рассеянность, а может, он хотел проверить, не жарко ли на его кухне. На мой взгляд — второе. Алекс действительно мог бы быть мечтой всех женщин. Не только замужних.

Мы знакомы с Алексом более пяти лет. Ему немного за тридцать, он спортивный, высокий, с неизменной усмешкой в глазах. У наших квартир общая стена. Цветы с его балкона свешиваются на балюстраду моего, и я слышу их запах. Впрочем, не только цветов, так как Алекс живет не один. Я еще не встречал второй такой пары. Нежной, заботливой, счастливой. Иногда в выходные или на неделе, если мне удастся пораньше вернуться из офиса, я на балконе прислушиваюсь к их жизни. А порой и к отголоскам их жизни за стеной. Пять лет, иногда невольно, я слышу их смех и обрывки разговоров. — Пять лет счастья, гармонии и радости. Всего пять.

Неслыханная редкость в этом метросексуальном городе, который известен тем, что большинство мужчин и женщин здесь одиноки, живут отдельно или разведены. Наверное, ни в одном другом немецком городе нет такого количества магазинов, которые специализируются на продаже замороженных полуфабрикатов, расфасованных порциями на одного человека. И еще я думаю, что ни один другой город не оклеен таким количеством гигантских плакатов с рекламой интернет-порталов, на которых огромными буквами написано: «Ты не должен быть одинок» либо: «Мы найдем твою вторую половину». Иногда мне кажется, что Франкфурт — это город зараженных эпидемией одиночества людей и повсеместного доступа к микроволновкам и Интернету.

Пара за стеной является очевидным опровержением всему сказанному. Они счастливы друг с другом, и у них нет ни микроволновки, ни Интернета. Зато есть прекрасно оборудованная кухня с кастрюлями для приготовления спаржи или риса, оригинальными сковородами Wok^[4], привезенными из романтического путешествия в Китай, и коллекцией приправ со всего света. Единственное, что объединяет их с внешним

миром, это радио. Парадокс: Алекс пользуется Интернетом на службе, где занимается разработкой рекламы для сетевой корпорации, сотрудничающей с такими гигантами, как «Mercedes», «Siemens» и «Deutsche Bank». И все же он возвращается домой к шести и еще он говорит, что сразу ушел бы из фирмы, если бы работа угрожала лишить его того, что у него есть. Он не уточнил, что именно у него есть, но я подозреваю, что речь идет о личной жизни. Интересно, когда я последний раз был дома в шесть? Должно быть, очень давно, поскольку мне не удастся такого припомнить. Так же, как вспомнить, когда я последний раз радостно улыбался в лифте, едучи в полвосьмого утра на работу. Он же — провокационно и демонстративно — улыбается. Это не новость. Он всегда улыбается, когда мы сталкиваемся в лифте. Как-то я спросил его, почему, и он ответил: «Я влюблен». Вся прекрасная и правдивая история любви уместилась в этих двух словах, сказанных в лифте между третьим и четвертым этажами. Мало кто из мужчин отважится на такую откровенность и скажет о себе такое. Большинство наверняка проигнорировали бы вопрос и смутились. Или принялись бы талдычить о достоинствах новоприобретенного мотоцикла или о победе любимой команды. Даже если бы этот вопрос застал их после самой прекрасной ночи любви и лифт увозил их от самого дорогого человека. Мужчины, как правило, легко поддерживают разговор о любви. При условии, что это любовь к мотоциклу, машине, футболу или к самому себе. О себе они могут говорить практически непрерывно.

Алекс почти никогда не говорит о себе. Возможно, в этом и кроется тайна его крепкого семейного союза. Иногда в воскресенье они приглашают меня на прогулку в пальмовый сад. Это одно из прекраснейших мест в современном городе из стекла и бетона. Я иду рядом, замечая, как время от времени нетерпеливо и жадно сплетаются их пальцы. Мы беседуем. Когда мы вместе, я чувствую, что каждый из нас не только слушает, но и прислушивается к себе. Самое важное в этих беседах — паузы, во время которых мы думаем о том, что мгновение назад сказал другой. К сожалению, сквозь стену не слышно таких пауз. Поэтому меня не мучают угрызения совести, что я временами слушаю, о чем они говорят.

После прогулки мы возвращаемся к ним в квартиру на торжественный воскресный обед. Они знают, что я из Польши, поэтому иногда угощают меня пирогами с капустой и грибами или борщом. Алекс садится со мной к столу, а Вольфганг готовит для нас на кухне салат с авокадо, зернами пинии и красным луком...

Маркировка

Если хочешь, я расскажу тебе про стыд. Я ощущаю его до сих пор. И до сих пор не знаю, какой из моих стыдов более пронзительный...

Мне было тогда неполных девять лет. Закрыв глаза, я как сумасшедшая сбегала со второго этажа на первый, хватала скакалку, висевшую в коридоре на крюке у разбитого зеркала, и мчалась через дворик за кусты сирени возле трансформаторной будки. Там я прыгала через скакалку. С закрытыми глазами. Я не хотела, чтобы меня кто-то видел. Ни мама, которая открывала окно на кухне и кричала мне, что я снова хлопаю дверьми, ни толстая проныра-соседка со второго этажа, которая, расставив локти на серой подушке, весь день разглядывала дворик, где ничего не происходило, ни даже ее тощий облезлый кот без правого уха, что всегда сидел рядом на подоконнике. Я надеялась, что если спрячусь за трансформатором и зажмурю глаза, никто не заметит моего стыда. Я прыгала. В лужах, в грязи и в пыли. Сначала на правой ноге, потом на левой, потом на обеих. Прыгала очень долго. А когда уже почти не ощущала ног и начинала задыхаться, падала. Потом возвращалась с грязными ногами домой и засыпала. В ночном кошмаре я стояла раздетая донага со скакалкой, опутавшей мои ноги, перед котом, а он дышал на меня водочным перегаром и, что самое ужасное, говорил со мной голосом моего отца. Утром я просыпалась на кровати рядом с матерью. Когда она спрашивала о «вчера», я прикидывалась, что ничего не помню. А когда мать уходила на работу, я тихонько, чтобы не разбудить спавшего на диване отца, пробиралась в ванную, запиралась там на ключ и дотошно осматривала свои бедра и нижнюю часть живота. И только тогда начинала плакать. Дважды мать водила меня к психологу, которому она жаловалась, что я не хочу играть с детьми во дворе, только прыгаю со скакалкой и ни с кем не разговариваю. Когда я и ему ничего не сказала, она оставила меня в покое...

Я жила тогда с родителями на первом этаже. Двумя этажами выше жил вместе со своей бабкой молодой парень со светло-рыжими волосами, которые летом выгорали на солнце. Он собирал марки. Иногда я ходила к нему. Мать говорила, что я ходила туда прятаться от пьяного отца. Но я знаю, что это неправда. Я могла стыдиться отца, но никогда не стала бы его бояться. Ни с кем я не чувствовала себя в большей безопасности, чем с ним, и никто не любил меня так же сильно. Если я уходила на третий этаж,

то только от стыда. Больше всего я стыдилась, когда мать не пускала отца домой и он лежал пьяный на лавке у мусорных баков. Мне казалось тогда, что даже облезлый кот смеется над ним. Я стояла у окна, смотрела на эту лавку, прикусив до крови губы, и молилась, чтобы побыстрее стемнело.

Теперь я знаю: мать отправляла меня на третий этаж, чтобы я не смотрела на все это.

Я уходила туда, чтобы переждать возвращение отца, и рассматривала там марки. Я садилась за дубовый стол в комнате того парня на чердаке. Он, не говоря ни слова, выкладывал на стол альбомы, открывал какой-нибудь из них, садился на стул рядом со мной, и я отчетливо чувствовала, как под мою юбку заползают его влажные и скользкие от пота пальцы. Мать учила меня отличать добро от зла, но не учила говорить об этом. Поэтому я заклеивала себе рот этими марками. Я предпочитала тот запрыганный до беспамятства стыд, нежели стыд за моего отца.

Я давно не живу в том старом доме, но регулярно навещаю мать в ее квартире на первом этаже. Там нет уже трансформатора и кустов сирени. На их месте асфальтированная парковка, где я оставляю свою машину. Но даже сейчас, проходя через дворик, я опускаю голову и никогда не смотрю на окно, где сидел кот. Двумя этажами выше по-прежнему живет тот «парень». Сначала у него начала неметь нога, потом она отнялась, и он стал ходить, приволакивая ее. Потом со второй ногой случилось то же самое. Врачи, похоже, так и не поняли, что с ним произошло. Все ему сочувствуют, когда он на костылях, с трудом преодолевая каждую ступеньку, поднимается на два этажа — те самые, на которые я когда-то в панике взбегала. Мать не учила меня ненавидеть. А кажется, должна была научить. Но я лишь посматриваю на него, и порой мне его как будто немного жаль.

У меня в квартире на книжной полке стоит переплетенный в темно-зеленую кожу альбом с марками. Единственная гашеная из них до сих пор стоит у меня перед глазами. «Торунь. Дом Коперника» — эта марка была первой. Я поместила ее на первой странице в первом ряду. Когда бываю в Торунь, я останавливаюсь в гостинице, окна которой выходят на улицу, где стоит дом Коперника. Я никогда в нем не была...

Неистинная красота

Лорьен девятнадцать лет, у нее длинные светлые волосы, кожа цвета спелого персика, изящный овал лица, огромные голубые глаза и губы, которые всегда кажутся слегка припухшими. А когда она накладывает на них блеск, они становятся просто невероятно пухлыми. Поэтому она редко пользуется помадой. Не хочет, чтобы думали, будто она нарочно увеличила губы, накачав их «какой-то химией». Кроме того, Лорьен, у которой 178 сантиметров роста, весит 48 килограммов, и, как она сама шутит, «по меньшей мере треть из них приходится на бюст». У нее всегда была огромная грудь, и, будучи подростком, она — как сама призналась в одном из интервью — очень этого стеснялась. Она редко надевает обувь на каблуке, избегает нарядов с глубоким вырезом и предпочитает свободные свитера и ветровки защитного цвета. На вопрос о том, что ей больше всего нравится в своей внешности, она шутливо отвечает, что уши, которые она унаследовала от французской бабки. Швейцарская бульварная пресса единодушно постановила, что тело Лорьен могло бы стать «средоточием любых эротических мечтаний для самых взыскательных мужчин и лесбиянок». Лорьен воспринимает эти комментарии со свойственной ей скромностью, говоря, что природа через родителей неслыханно щедро одарила ее. Она искренне считает, что являет собой пример особой генетической мутации, которая встречается так же редко, как модель, которая говорит правду, утверждая, что ей в самом деле не требуется сидеть на диете.

Телевидение одного из франкоязычных кантонов использовало Лорьен для чудовищного эксперимента. Со скрытой камерой они посетили вместе с ней десять известных пластических хирургов. К каждому из них девятнадцатилетняя победительница нескольких конкурсов красоты обращалась с просьбой подкорректировать ее тело. Одних она просила увеличить ей губы, других — грудь, третьих — отсосать жир (которого у нее нет) из бедер, ягодиц, икр или живота. И лишь один хирург направил ее к психиатру, заявив, что при таком весе она, скорее всего, страдает анорексией. Еще один предостерег от опасности операционного вмешательства, каковым является липосакция, но не увидел ничего странного в том, что молодая стройная девушка просит его убрать жир, которого у нее на самом деле нет. Восемь (!) оставшихся без колебаний согласились провести бессмысленную и рискованную операцию, пообещав,

что у пациентки бюст будет еще больше, губы еще более пухлыми, а живот и бедра станут еще стройнее. Массовая погоня за ненастоящей красотой повсеместно превратилась сегодня в опасное, маниакальное психическое заболевание. И что самое поразительное — ему оказались подвержены (и к тому же на нем зарабатывают) даже те, кто в силу своей профессии и призвания должны были бы от него предостерегать.

Широко распространенный нарочито искаженный канон женской красоты существует главным образом благодаря средствам массовой информации. Кто-то придумал, опираясь на призрачные цифры, идеальные размеры женского тела, кто-то добавил к этому соответствующий оттенок кожи, кто-то разглаживает на компьютере морщинки, удаляя электронными кистями милые девичьи веснушки, удлиняя и утолщая ресницы, жестоко уплощая чуть ли не до впалости животы и поднимая, вопреки законам гравитации, ягодицы. Кто-то, не будучи знаком с оптикой, раскрасил волосы, кто-то установил верхнюю границу возраста, преодолев которую женщины становятся тридцатилетними пенсионерками, кто-то ввел изнурительную диету, а кто-то продает получившийся продукт в качестве якобы совершенной геометрически и графически модели, разминувшейся с геометрией и действительностью на световые годы. Лишь 4 процента женщин на Земле отвечает стандартам этой модели и только в течение 6,5 процентов времени отпущенной им жизни. Перемножив две эти цифры, мы получим то, что ученые называют статистической погрешностью или исчезающе малой величиной. Она настолько мала, что ею можно пренебречь. Ради правды о женщинах. Я прежде всего — ученый и постоянно пренебрегаю исчезающе малыми величинами в силу их несущественности.

На удивление настоящие женщины появляются в последнее время в рекламных роликах фирмы «Dove». Проводимая ею кампания «Истинная красота» крайне важна и вызывает восхищение. Это, возможно, первая в истории честная встреча косметики с правдой.

Женщины, освобожденные от тесного корсета модели, не только более естественны, но и более счастливы. У них не только нормальные размеры и реальный возраст, — в их организме естественно протекают все химические процессы. Я уверен: скоро кто-нибудь докажет, что уровень нейротрансмиттера счастья — допамина в их мозгу прямо пропорционален уровню их приятия себя. Для мужчины нет ничего более сексуального, чем женщина на допамине...

Одиночество

Марта тоскует. Иногда это сопровождается ужасной болью. Она тоскует со слезами на глазах. Больше всего — о близости. Марта полагает, что она одинока. Как никто другой на свете...

Когда ее спрашивают, что такое одиночество, она замолкает, задумывается на минуту и начинает с серьезным видом озираться в своей комнате. Потом поднимается с дивана и подходит к большой цветной карте, висящей на стене рядом с дверьми, ведущими в спальню.

«Я как этот маленький остров, — говорит она, показывая пальцем на крохотное желто-зеленое пятнышко на фоне голубого океана. — Мой остров включает в себя эту квартиру, за которую я буду платить до конца своих дней, дорогу в супермаркет через две улицы, путь к врачу, который выдает мне рецепты на лекарство от диабета и... будни, когда у меня до безобразия много свободного времени. Я бы, например, смогла, пройдя все эти дорогие курсы, готовить большинство деликатесов с французскими названиями и подавать их на огромных белых гнутых тарелках, сделанных из лучшего в мире фарфора. Они стоят у меня в буфете, и я мечтаю вытаскивать их в понедельник, среду и воскресенье, а также во вторник, четверг и пятницу, и еще мечтаю поджидать кого-то по вечерам.

А пока что я питаюсь полуфабрикатами, приготовленными в микроволновке. Мое одиночество, — продолжает она, — это как жизнь на заброшенном и всеми забытом острове. Знаете, когда я говорю об этом, мне вспоминается история бунтовщика, которого капитан Френсис Дрейк поставил перед жестоким выбором: остаться одному на необитаемом острове или быть обезглавленным. Бунтовщик выбрал второе. Он, вероятно, знал, что одиночество убивает точно так же, как топор. Только медленнее...»

Для Марты одиночество — не осознанный выбор. Оно не было вызвано желанием ненадолго отдалиться от мира и людей, чтобы наедине пережить траур, или отдохнуть от бешеного ритма жизни, ее вульгарной поверхностности, или получить возможность подобно отшельнику, в тишине, остаться со своими мыслями, или воплотить в жизнь какой-то важный план или проект. Такое одиночество — не одиночество, потому что с самого начала предполагает возвращение к людям. Одиночество Марты, как она сама его называет, бессрочно. Марта ощущает пустоту, внутренний холод, заброшенность и пребывает в состоянии вечного ожидания. Чтобы

зазвонил телефон или кто-нибудь нажал кнопку звонка на домофоне, чтобы хотя бы что-нибудь произошло. Бессрочное одиночество бесчеловечно. Согласно данным профессора психологии Джона Качиоппо из Чикагского университета, для человека принадлежать к какой-либо группе — основная потребность, такая же, как удовлетворение голода, удовлетворение желаний и сон. Мы рождаемся беззащитными и обречены на то, чтобы постоянно нуждаться в помощи окружающих. Поэтому человеческий мозг — как мало на что другое — с такой чувствительностью реагирует на сигналы, исходящие от других людей. Сердито стиснутые губы, наморщенный в задумчивости лоб, вздернутые с интересом брови, удивленно распахнутые глаза. Младенцы подсознательно реагируют на подобную информацию, сразу же воспринимая ее эмоциональную составляющую как одобрение или неприятие.

Одиночество чаще всего связывается с неприятием. Согласно анкетам немецкого еженедельника «Шпигель» в 2007 году примерно 30 процентов немцев «часто» или «очень часто» чувствуют себя одинокими. Из тех же анкет следует, что большинство расценивает свое одиночество как недостаток, доказательство своей непривлекательности для других людей и даже некую разновидность увечья. Признание своего одиночества, особенно мужчинами, трактуется как слабость и признак поражения. Это еще более изолирует одиноких. Поэтому одиночество чаще всего окружено глубокой тайной. Кроме того, распространено мнение, будто признание своего одиночества ведет к еще большему отчуждению от окружающих. Лучше с натянутой улыбкой купить двести граммов салями у привлекательной продавщицы, чем признаться себе, что тебе хватит и трех ломтиков.

Партия одиноких могла бы выиграть выборы в большинстве европейских стран. И как ни странно, это была бы партия относительно молодых людей. Неверно, что от хронического одиночества страдают в основном шестидесятилетние вдовы пенсионеры и так называемые «покинутые» родители, чьи дети «вышли в свет». Согласно опубликованным недавно результатам исследований скандинавских социологов, чувство одиночества чаще всего охватывает людей между тридцатью и сорока годами. Это возраст, когда заводят семьи, воспитывают детей, строят дома. Жизнь, в которой всего этого нет, воспринимается как неподвижность. И если это состояние длится слишком долго, оно вызывает отчаяние, приводит к еще большей изоляции и утрате веры в возможность налаживания каких-либо связей. Одиночество — это болезнь. Не только души. Порой смертельная. Среди одиноких заболевания сердца

диагностируются в два раза чаще, чем у остальных людей, а процент самоубийц в два раза выше.

Марта готова разорвать порочный круг. Может, для начала ей нужно снять карту со стены своей комнаты?

Судьба

«Сплети великодушно ладони наши, и грезь о нас обоих, Господи Боже, Ты, которому известны все вопросы и ответы...»

Такой фразы никогда бы не написал мой отец. Он не верил ни в какого Бога, а о поэзии знал лишь то, что она существует. Он вспоминал об этом главным образом тогда, когда мой старший брат или я читали ему стихи, которые нам задали выучить наизусть. Помню, что когда я читал Броневского^[5], он вообще меня не слушал. Равно как и молитвы, которые нам задавали на уроках Закона Божьего. Для него это тоже была исключительно поэзия. Разве что анонимная, а потому еще более идеологически подозрительная. Мой отец был новообращенным атеистом, который перестал верить в то, что кто-то может знать все ответы. Кроме того, я не помню, чтобы он когда-либо «великодушно сплетал» ладони с ладонями своей жены, моей матери. Я вообще не помню, чтобы он в моем присутствии до нее дотрагивался. Поэтому он точно не мог бы такое написать.

Но какой-то мужчина это написал. На вырванном из тетради в линейку листке, пожелтевшем и истертом от времени на сгибах. Вверху было написано имя моей матери, внизу — подпись и дата: «Февраль 1942». Я нашел этот листок случайно под стопкой других семейных документов на дне металлической шкатулки, хранившейся в подвале. Мою мать любил какой-то мужчина, не мой отец! Вполне вероятно, что он к ней прикасался и даже ее целовал! 1942 год казался мне столь же далеким, как Грюнвальдская битва, но только не ее любовь, нет.

Дети с изумлением и странным беспокойством воспринимают любую информацию о том, что у их родителей была какая-то жизнь, тем более интимная, прежде чем они встретились. У них могли быть верные друзья в начальной школе, приятели в армии или знакомые в вузе. Но любовь должна быть только одна. Первая и последняя, единственная и вечная. Долгое время мне казалось, что мои родители были вместе даже раньше, чем началась вечность. И только два раза сблизились максимально. После первого родился мой брат, после второго — я. На самом деле все было не так. Моя мать сама мне об этом рассказала, когда я спросил ее про листок из шкатулки...

«Он был музыкантом. У него были, наверное, самые длинные и нежные пальцы. Иногда, когда он играл на скрипке, после концерта на ее

струнах оставалась кровь. Но об этом знала только я. Я никогда бы не влюбилась в него, если бы я могла предвидеть, что встречу твоего отца. Это было так давно. Была война. И он, и я родились в плохом месте. А может, и в хорошем. В двадцати километрах к востоку от Торуня война была совсем другой. Настоящей, такой, про какую тебе рассказывают в школе. В Торуня упала — исключительно по недосмотру немецкого пилота — только одна бомба, и почти все жители вновь превратились, после двадцатилетнего перерыва, в немцев. В сорок втором, перед Сталинградом, пришло время, когда в немецкую армию стали брать уже не только калек, но даже поэтов и музыкантов. Когда его забили, я уехала в Гдыню. Там можно было все так же тосковать, зато, работая официанткой в ресторане, я могла не покупать хлеб по карточкам. Он при первой же возможности дезертировал, но педантичные немцы почему-то не зафиксировали этого, и в Гдыню приходили его письма, в которых, не опасаясь цензуры, он писал о наших сплетенных ладонях.

30 января 1945 года, во вторник, я должна была выбраться из окруженной русскими Гдыни на палубе пассажирского парохода «Вильгельм Густлоф» в Гамбург. А потом как-то переместиться в Англию. К нему. Судно должно было отправиться в восемь утра, но вышло из порта лишь около часа. Пять часов солдаты с автоматами наперевес не пускали на пароход «неподходящих» лиц. У меня, как у обычной полячки, не было никаких шансов. Тогда, на берегу, мне казалось, что я умерла...»

Вечером того же дня, в 21 час 08 минут, на высоте Устки из четырех выпущенных с советской подлодки С-13 торпед три попали в цель. Из более чем десяти с половиной тысяч человек на борту «Густлофа» спаслись лишь тысяча двести. В основном мужчины (в том числе капитан). Женщины и более пяти тысяч детей утонули или умерли от переохлаждения^[6].

«Я вернулась в Торунь. Три года ждала письма, но оно так никогда и не пришло. Однажды, тоскуя по нему, я плакала на скамье в парке. В том самом, большом парке на Быдгощском предместье^[7]. Мимо проходил твой отец. Он остановился, подсел ко мне и спросил, почему я плачу. Если бы я не плакала, — он сам потом мне сказал, — он бы ни за что не остановился...»

Безумства

В мае лишает себя жизни наибольшее число людей. Такова мировая статистика самоубийств. Большинство кончают с собой из-за любви. Точнее, из-за ее отсутствия. По крайней мере, так им кажется, когда они режут себе вены, прыгают с небоскребов, травятся психотропными средствами, смешанными с алкоголем, или бросаются под поезд. Личные дела самоубийц, собранные нью-йоркской полицией за сорок пять лет, недавно были переведены на электронные носители и выложены в ограниченном доступе в Интернете для исследований психологов, социологов и сексологов. Выяснилось, что более 89 процентов самоубийц не хотели больше жить, поскольку не чувствовали себя любимыми. Это следовало из их биографий, прощальных записок, показаний близких. А также из химического состава их мозга. Профессор Майкл Лейбовиц, нейробиолог из Нью-Йоркского государственного института психиатрии, с помощью жутковатого эксперимента определил уровень концентрации нейротрансмиттеров в мозговой ткани, извлеченной у самоубийц, тела которых не забрали родственники или друзья. Почти у всех был значительно снижен уровень нейропептидов, наличие которых связано с чувством любви.

В мае, как ни в каком другом месяце, люди становятся особенно похожи на морских коньков, ящериц, гремучих змей, лемуров, коал, пум, зебр, горилл и других животных. Запускается заложенная эволюцией и управляемая старыми, как мир, биологическими часами программа: самцы начинают искать партнерш, наиболее способных к размножению (наиважнейшим фактором является молодость), а самки — партнеров, способных обеспечить наилучшие шансы для выживания потенциального потомства. В этой схеме люди ведут себя точно так же, как ящерицы, лемуры и морские коньки, повторяя неизменную цепочку, которая включает в себя взгляд, прикосновения и в конце концов — соединение тел. Однако люди хотят прицепить к этой цепочке еще одно звено — любовь. Ни в одном другом месяце, свидетельствует статистика, не наблюдается такое число влюбленных, как в мае. В анкетах на вопрос о том, что они понимают под этим термином, люди чаще всего указывают безусловную зависимость своего самочувствия от присутствия возжеланной особы. Американский психолог Дороти Теннов, изучавшая влюбленные пары, классифицировала это состояние как патологический случай невроза

навязчивых идей, усугубленный невротическими страхами, проявляющимися обычно в таких физиологических реакциях, как бледность, дрожь, учащенное сердцебиение, а также ощущение общей слабости. Большинство влюбленных 85 процентов времени днем и ночью думают об объекте своей страсти, при этом постоянно испытывая страх, что им откажут или проявят неблагосклонность, а также бессилие, вытекающее из убеждения, что любовь — это иррациональная сила, которую невозможно ни остановить, ни обуздать. Этому сопутствуют фантазии, свойственные людям, которые находятся под воздействием амфетамина или опиатов: идеализация на грани культа и ничем не обусловленная эйфория. Любопытно, отмечает Теннов, что секс при этом перестает иметь первостепенное значение: целых 95 процентов женщин и более 91 процента мужчин в этом состоянии отрицают, что «в любви самое важное — секс».

Интересно, что такая поведенческая схема характерна для всех культур. Даже для тех, в которых понятия «любовь» не существует. Женщины и мужчины из африканского племени тив, которому вообще незнакомо слово «любовь» (состояние влюбленности именуется у них [sic!] «безумием»), описывают свои переживания, связанные с влюбленностью, точно так же, как европейцы и американцы. Антропологи Уильям Янковяк и Эдвард Фишер проводили в девяностые годы двадцатого века широкомасштабные исследования в 168 общественных группах от Гренландии до Полинезии. Они заявили без тени сомнения, что так называемая романтическая любовь (даже если она вовсе не определяется этим термином) известна во всех изученных ими культурах и характеризуется одинаковой манерой поведения. Стало быть, это не приобретенное свойство культуры. Любовь — универсальная человеческая черта, и она должна иметь свое биологическое, а также (био)химическое обоснование. И конечно, она его имеет.

С тех пор как появились устройства, позволяющие «заглянуть» в человеческий мозг, так называемые порывы сердца превратились в устаревший миф, который продолжает жить только благодаря поэтам. Люди любят химией мозга, и сердце не имеет к этому никакого отношения. Очарование, ведущее к внезапным эмоциональным осложнениям, которые мы называем любовью, начинается с появления в мозгу крохотной семиатомной молекулы, именуемой фенилэтиламином из группы амфетаминов. Ее наличие вызывает химические и электрические изменения в мозгу. Последние можно наблюдать на энцефалограммах у влюбленных. Явственные пики альфа-волн, иногда — наличие тета-волн,

возникающих почти исключительно у тех, кто спит и видит сон, либо у монахов, глубоко погруженных в молитву.

Любовь как тета-волна очарования? На амфетамине? А тут еще май...

У открытого окна в мае

Хотя я знаю, что такое любовь, мне непонятно, что значит «быть влюбленным». Вероятно, когда это случается впервые, еще неясно, что это в действительности означает, но определенно ясно, что должно быть некое чувство. Как вы думаете? Должно, правда? Особенно в мае, когда рождается — в очередной раз — новая надежда. Я чувствую это. Чувствую всем своим существом. Иначе я не был бы так счастлив и одновременно не мог бы так страдать. Думаю, любовь только тогда имеет значение, когда сопровождается страданием. Любовь без страдания забывается так же быстро, как стихи, которые когда-то вызывали восторг, ну а сейчас... сейчас не вспомнишь даже и названия. Истинное счастье можно испытать только через страдание. И мне, честно говоря, нет необходимости где-то читать об этом. Я это и так знаю.

Просыпаюсь утром и думаю о ее пробуждении. Я очень хорошо помню выражение ее лица, когда она прикрывает веки. Она часто говорит со мной, смежив веки. Я видел это, хотя она не могла меня заметить. Когда в моем присутствии она закрывала глаза, то говорила совершенно другим голосом. Более чувственным. И как мне кажется, она говорила более важные вещи. И тогда у меня тоже возникало желание прикрыть глаза. Но я не делал этого.

Мне было жаль даже на минуту перестать на нее смотреть. Потому что я хочу любоваться ею все отпущенное мне время. Мечтаю когда-нибудь проснуться с ней рядом и смотреть на ее лицо и закрытые глаза, пока она еще не заговорила. А пока она спит и не может меня услышать, я хотел бы склониться над ней и рассказать о своей «влюбленности». Так, как сейчас рассказываю об этом вам. Но ей я говорил бы это более искренно. С чувством. И наверняка шепотом.

Знаете, ее губы смыкаются двумя идеальными дугами. Верхняя, более широкая, посередине немного вздернута, а нижняя в том же самом месте чуть оттопырена. Смыкаясь, они становятся похожи на две подушечки цвета зрелой малины, готовые брызнуть соком при малейшем прикосновении. Они греховны. Знаете, сколько раз я думал о ее губах?

Поэтому просыпаясь утром и думая о ее пробуждении, я вспоминаю ее губы. Тогда я подхожу к окну и открываю его настежь. Но прежде чем открыть, краем глаза замечаю свою ладонь, касающуюся оконной ручки. И думаю о ее ладонях. У нее длинные пальцы. Когда она складывает ладони,

они лишь на мгновение прижимаются одна к другой. А потом выпрямляются и расходятся в стороны, чтобы сразу же снова соприкоснуться. Я обожаю ее ладони. На безымянном пальце левой руки, сразу над обручальным кольцом, у нее есть маленький шрам. Для начала я хотел бы узнать историю этого шрама. А потом поцеловать его. Когда в моей голове возникает эта мысль, я резко открываю окно, чтобы холод остудил мой пыл.

Иногда холод приходит с ветром, взлохмачивая мои волосы. И тогда я думаю о ее волосах. Когда она рядом со мной, ее волосы всегда заплетены в косу, обнажая лоб. С правой стороны волосы у нее растут ниже, чем с левой. Таким образом они скрывают выпуклость лба и пульсирующую вену. У вас тоже вена пульсирует с правой стороны. Но у вас там нет таких волос. И слева тоже нет. Как и у меня. Как вы думаете, с правой стороной лба всегда так?

Я мечтаю когда-нибудь расплести ее косу. Но еще больше мне хочется, чтобы она сама ее расплела. И распустила волосы. Только для меня. И прикрыла ими мои ладони, прикасающиеся к ее лицу. Чтобы никто их не видел. И никогда об этом не узнал. Я бы очень хотел прикоснуться к ее лицу. Не только ладонями. Лучше губами. Нежно целовать ее лоб, потом брови, потом веки, наконец правую, затем левую щеку. А потом взять прядь ее волос и попробовать на вкус. Вы пробовали когда-нибудь женские волосы? Как вам? Не помните? Почему? Жаль. Я бы наверняка запомнил. И сразу же прикоснулся бы к ее губам. Сначала несмело, пальцами, потом губами. По очереди. Я хотел бы, чтобы на каком-то из миллиметров она разжала губы и таким образом дала бы разрешение. Хотя и не знаю, на что. Я даже не знаю, хочу ли это знать.

Поэтому, просыпаясь утром и стоя у открытого окна, я закрываю глаза и думаю о ее пробуждении, ее губах, ее волосах и ее разрешении. Я счастлив. Вы наслаждались когда-нибудь такими моментами? Я говорю себе то, что хотел бы сказать ей: «Знаешь, даже мои четки переплелись с твоими. Странно это наше взаимное сплетение. Ты чувствуешь то же, что чувствую я? Сейчас я тебе помогу. Осторожно, чтобы не порвать шнурок. Эти бусинки еще слишком малы, они лишь наливаются цветом, у них впереди еще много дней и все будущее время. Трудно было бы собрать их и нанизать заново.

Только позволь мне. Доверься мне. Прошу».

Я — священник. Вам ведь не кажется, что мне нельзя любить? Вы понимаете меня? Правда? Прошу вас...

Запах сочельника

Когда сочельник выпадает на воскресенье, она опрокидывает стаканчик, прежде чем разбудить девочек. Сразу после того, как почистит зубы. Она любит это состояние обезболивающего, легкого водочного опьянения в пока безмолвной квартире. Он еще спит, еще целиком принадлежит им. И останется таким примерно до трех дня. Встанет, побреется, придет на кухню. Обнимет ее сзади, скользя под халатом по нижней части живота, поцелует в щеку. Но уже не станет нежно сосать ее ухо и шепотом уговаривать вернуться в спальню «еще хоть на секунду». Когда-то он так делал. Но и тогда им редко удавалось туда вернуться. Однажды Магда, которой тогда было четыре года, застала их на кухне и спросила изумленным, полным любопытства голосом: «Мамочка, почему папа стоит за тобой, а у тебя закрыты глаза и ты так громко вздыхаешь?»

Он не почувствует запаха спиртного из ее плотно закрытого рта. Впрочем, он не целовал его уже два года и восемь месяцев. Зато целовал ее грудь, спину, волосы, ягодицы и нижнюю часть живота. Но это — часть их ритуала при «сближении». Они периодически занимаются сексом. Раз в три-четыре месяца. Чаше всего когда он очень поздно возвращается домой — наверняка от той женщины.

Возможно, даже прямо из той постели. Тогда он касается губами всех мест на ее теле, которые выучил в прошлом. В их прошлом. Может, желает убедиться, что между ними ничего не изменилось, а может, в очередной раз хочет поверить, что именно этой ночью что-то должно измениться. Шепчет при этом нежности. Пока он не узнал ту девушку, он не имел обыкновения шептать. Четыре года и четыре сочельника не прикасался к жене. Но с тех пор как завел любовницу ей — жене — стало лучше. И девочкам тоже. Это ужасная, унижительная, лицемерно-отвратительная правда, но именно так и обстоит дело. Она долго колебалась, пока однажды вечером, пьяная, не призналась в этом сначала себе, а через неделю, утром, совершенно трезвая — своему психотерапевту.

Потом он выпьет кофе, который она ему приготовила, поставит елку, принесет коробки с украшениями из кладовки, позвонит родителям, чтобы те приехали вечером. На минуту вернется в ванную, неловко пряча мобильник в кармане пижамы. Откроет воду, чтобы заглушить голос, и позвонит той. Вернется, съездившись, словно уличенный во лжи мальчик, в детскую комнату. Разбудит поцелуями девочек, перенесет их прямо из

кроватей в комнату, встанет перед елкой, расскажет трогательную историю о ребенке, который все свои подарки раздал больным детям, и будет очень крепко обнимать дочерей. И они опять, как каждый год, без памяти полюбят его. А она будет стоять, опьянев после четвертой рюмки, в дверях между кухней и комнатой, и влюбляться в него вместе с дочерьми. И поспешно отвернется, чтобы никто не видел ее слез, вернется на кухню к пирогам с грибами и добавит в них слишком много соли.

Часа в три он солжет, что должен ехать в контору проверить, пришли ли «в главный офис важные сообщения из Амстердама». Забыв, что главный офис уже год как переехал в Дублин. Он совершенно не умеет врать. Это успокаивает. По крайней мере ее. Мужчина, который так бездарно лжет, должен быть уверен, что это «не стоит того» и что пока еще нет смысла изворачиваться.

Потом он наденет костюм и галстук. Отправляясь в контору, он всегда надевает галстук. Сначала он туда и поедет. Как и сказал. Девочки, в предвкушении вечерних развлечений, даже не заметят его отсутствия. Она же вообразит все, чем он будет заниматься, по минутам...

Из конторы с подарком для той женщины он поедет в Мокотов^[8]. Поделится с ней облаткой, поздравит, она станет плакать, он, боясь ее вопросов, молчать. Они усядутся у стола на кухне. Съедят борщ, который она научилась готовить ради него, она принесет на сковороде карпа, которого поймал сосед напротив, положит ему на тарелку пирогов, привезенных от родителей. Заодно расскажет о своих детских сочельниках. А он украдкой взглянет на часы и, нервно поднявшись из-за стола, пообещает ей, что позвонит. Вернется в комнату и нагнется к украшенной шелковыми бантами коробке под елкой. Распакует, расчувствуется и спросит, можно ли оставить ее тут. Она подойдет, разденет его и за несколько минут оставит на всем его теле запах своих духов. Он привезет этот запах домой, успев до первой звезды. И до приезда родителей. Войдет в квартиру без галстука, который в спешке забыл повязать, наполнит коридор ее запахом. Девочки бросятся ему на шею и сразу же поведут на балкон, чтобы вместе с ним смотреть на небо. А потом съедят борщ, который его жена тоже когда-то научилась готовить для него...

Состояние небытия

Она убила своего брата, он убил свою дочь. Не в силах вообразить себе его боль, она на несколько часов выбралась из своего небытия и поехала во Вроцлав, чтобы встретить того, кто должен каяться еще сильнее. Хотела убедиться, что это вообще возможно — еще сильнее каяться. Он ждал ее на вокзале. Весь в черном. Протянул руку, чтобы помочь ей поставить на перрон чемодан. На сгибе его левой руки, поверх черной рубашки она заметила широкую белоснежную повязку. Она носит черную на сгибе правой руки. Он поставил ее чемодан на серый цемент. Поднял голову. Заглянул ей в глаза. Она удивилась, что он еще в силах улыбаться. Даже если из вежливости, он ведь не обязан... Он должен знать, что перед ней нет нужды притворяться. Она спустилась на платформу. Они молча шли по туннелю. Она ждала, когда он заплачет. Он должен был заплакать. Ему ведь было тяжелее, чем ей. Но он не плакал. Только нервно трогал лицо пальцами, словно утирая слезы. Слез теперь не хватало. Она знала это...

Прямо с вокзала они поехали в центр города.

— Я покажу вам, где остановиться, — сказал он удивленному таксисту.

Они вышли возле большого дуба, сразу за круглой площадью, у переполненного в это время суток торгового центра. Он уселся на клочке мокрой утоптанной травы у дерева. Ей показалось, в этот момент он забыл о ее существовании. Он начал говорить, вытащив сигареты. Она оперлась спиной о дерево. Слушала...

— Хуже всего, что надо по-прежнему жить, когда конец уже пройден, а жизнь все еще длится, и у тебя отобрали право на уход. Не из-за чужих людей, считающих, что я должен ползти по городу, раздавленный угрызениями совести, и молить о прощении. И не из-за так называемых друзей, которые все как один исчезли сразу после похорон Кинги. Если я ненавижу Бога, то не за то, что он отобрал у меня дочь, а за то, что он не дает мне храбрости перенестись к ней и извиниться за краткость ее жизни, за ее прерванные мечты, за неоконченный разговор. Я не прошу прощения. Достаточно того, чтобы она меня выслушала.

Она приехала вечерним поездом из Варшавы домой на сочельник. Сияя своей первой, еще свежей влюбленностью, полная всяких историй и планов, которыми хотела с нами поделиться, соскучившись по детству и

той близости, что возникает между родственниками в праздники. Выйдя из вагона, она непрерывно говорила и смеялась. В машине осторожно прикоснулась к моему лицу и сказала: «Папочка, ты выглядишь усталым, почему мама разрешает тебе столько работать? Я с ней серьезно об этом поговорю...» Я поцеловал ее ладонь, повернув к ней голову. В темноте, сразу за круглой площадью, на улицу вышел какой-то человек. Я резко свернул вправо. Ударом о дерево продавило дверь и крышу, отбросив Кингу ко мне. Я почувствовал, как она положила голову мне на плечо. У нее были широко открытые удивленные глаза. В волосах и на губах осколки стекла. Я помню, что поднял левую руку, чтобы смахнуть с ее лба снежинки, которые, тая, стекали, словно капельки пота, ей на глаза. Согнутый и заостренный, словно лезвие топора, кусок крыши раскроил ей череп и вонзился глубоко в мозг прямо над правым ухом...

Тот, кто утверждает, что время лечит раны, — отъявленный лжец. Ему наверняка не приходилось хоронить самолично убитого ребенка или брата. И он не возвращался потом после похорон в квартиру, где невозможно жить, не сталкиваясь на каждом шагу с воспоминаниями. Я каждый день прихожу к этому дереву, чтобы просить прощения и плакать. Только эти слезы приносят облегчение, лишь ради этого я по утрам просыпаюсь...

Вы тоже каждое утро молитесь о прощении? Родителей, друзей и врагов своего брата, продавщицу в магазине, где он покупал газеты, прохожих, мимо которых он ходил по улице, его собаку, кошку или хомяка? Вы тоже исповедуетесь утром и вечером? Вы тоже видите его во сне и не можете говорить и думать о нем в прошедшем времени? «Люблю», а не «любила». Вам тоже в каждом огоньке мерещится домашний очаг, каждая машина кажется убийцей, а каждый парк — кладбищем? Вы тоже живете лишь ради того, чтобы носить в себе память о его существовании? Вы тоже хотите... Она оттолкнулась от дерева обеими ладонями. Села возле него, положив голову ему на плечо. Она хотела. Как никогда раньше...

Расставания

Она любила это место. Чувствовала себя здесь как в безопасном, уютном укрытии. Оно было достаточно далеко от ее работы и еще дальше от квартиры. Это было важно. Шанс встретить здесь кого-то с фирмы был ничтожно мал, и уж наверняка сюда не доберется ее дочь Карина со своей сумасшедшей компанией. А даже если случайно кто-то сюда и забредет, внутреннее убранство и цены окажутся для него, как сказала бы Карина, «запредельными».

Она обнаружила это место год назад. Совершенно случайно...

Она возвращалась поздно вечером с очередного скучного ужина с потенциальным клиентом. Завезла его домой и ехала к себе. Вдруг машина остановилась посреди дороги. Лил промозглый ноябрьский дождь, было ужасно холодно, а она была в одном костюме. Никогда не предполагала, что машины могут ломаться. Особенно «мерседесы». В бешенстве, с упорством маньяка она поворачивала ключ зажигания, молясь при каждой попытке, а в конце концов готова была вцепиться в руль зубами, проклиная сигналивших водителей, развалюху-машину, фирму «Мерседес-Бенц» и его самого. Его больше всех и громче всего. Это он всегда твердил, что «мерседесы» не ломаются, это он занимался машинами в их доме. Она на них только ездила. В первую минуту она хотела ему позвонить. Протянула руку на заднее сиденье, выгребла из сумки телефон. Начала нервно пролистывать все номера в адресной книге. И тут же поняла, что его номера там не найдет. Вспомнила, что удалила его после одной ночи, примерно в 4.30 утра, когда наконец порвала в клочки все общие снимки из семейного альбома и когда в последней бутылке закончилось вино. Она была слишком пьяна, чтобы пойти в ночной магазин на углу и купить еще одну, но еще достаточно трезва, чтобы дрожащими пальцами отыскать номер в телефоне и удалить его. А потом в ярости швырнуть телефон о стену, чтобы через час, когда утихла ненависть, которую сменили любовь и тоска, искать его, стоя на коленях, с фонариком в руках, под их кроватью, и клейкой лентой склеивать разбитые кусочки стекла на экране. И рыдать при этом, потому что это был его подарок. Последний, особый и исключительный, с их последнего общего сочельника, когда ей еще казалось, что он принадлежит только им с Кариной. И своей работе. С работой она успела смириться. Однако уже в тот праздничный вечер он ей не принадлежал. Несколько месяцев спустя, в марте, когда Карина уехала

на весенние каникулы, он рассказал ей о *той женщине*. «Это главная любовь моей жизни, с ней я могу говорить обо всем, она чувствует то же, что и я», — сказал он, когда после потока упреков, претензий и истерических оскорблений она задала ему самый абсурдный и идиотский вопрос; что «эта мерзкая девка» дает ему такого, чего не может дать она. Его ответ был как удар ножа в самую сердцевину и без того уже открытой раны.

Потом она выкинула его пустой чемодан на садовую аллею, ведущую к их дому, а уже через пятнадцать минут стала ждать его и вглядываться в телефон. Он не вернулся. Через четыре месяца она принялась работать над собой, чтобы перестать его ненавидеть. Сначала ради Карины, потом ради самой себя. Однажды ее мать, которая была уж точно не на его стороне, заявила: «Когда случается что-то вроде этого, доченька, виноваты, хочешь ты того или нет, оба». Затем, когда печаль утихла, пришло оцепенение и что-то вроде траура. Постепенно она возвращала себе самоуважение и начинала заново строить свой мир. Без него. Но в тот ноябрьский вечер, когда сломалась ее машина, она вдруг осознала, что он никогда не переставал быть частью ее жизни.

Она помнит, как, зареванная, выбралась из машины и побежала сквозь дождь к освещенному кафе на другой стороне улицы. Позвонила в авторемонт и уселась на велюровом диване у входа. В огромном зеркале напротив она увидела свои мокрые волосы и размазанный макияж. Молодой официант молча принес ей чай с лимоном и горячую салфетку. Неподалеку играло фортепьяно. Через несколько минут салфетка смыла черные пятна под глазами, и она уже радовалась, что не нашла его номера телефона. А на следующий вечер приехала сюда снова.

Сегодня она опять пришла. С книгой. Она любила удобно устроиться на диване, заказать себе кофе с амаретто и читать. Через некоторое время она подняла голову и взглянула в зеркало. В нем отражалась любовная парочка. Мужчина нежно вытер пальцем остатки взбитых сливок с губ женщины, потом поцеловал ее и стал что-то шептать на ухо. Женщина внимательно слушала, нежно поглаживая его волосы.

Она захлопнула книгу, положила на столик банкноту и вышла через сад. Ей не хотелось, чтобы он ее узнал. И тем более — заметил ее слезы. «Это главная любовь моей жизни», — слышала она его голос, доносящийся издали...

*Собранные в книге тексты
впервые напечатаны на страницах
ежемесячного журнала «Рані»*

в 2006–2008 годах.

notes

Примечания

Янина Охойская-Оконьская (р. 1955) — инвалид с детства, основоположница фонда «Польская гуманитарная акция», занимающегося помощью бедным странам и инвалидам.

Кашубы — западнславянская этническая группа, потомки древних поморян, живут на побережье Балтийского моря, в северо-восточных районах Польши.

Город в Великобритании, в составе конурбации Большого Лондона.

Вок (wok) — круглая глубокая сковорода с выпуклым дном небольшого диаметра.

Броневский Владислав (Broniewski, 1897–1962) — польский поэт.

Трагическую гибель лайнера «Вильгельм Густлоф» описывает, между прочим, Гюнтер Грасс в романе «Траектория краба». (Прим. автора).

Улица в городе Торунь.

Предмestье Варшавы.